

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

Олег Кожин

ШКАФ С КОШМАРАМИ

Олег Игоревич Кожин

Шкаф с кошмарами

Серия «Самая страшная книга»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67738718

Олег Кожин. Шкаф с кошмарами (сборник рассказов): Издательство

АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-148142-1

Аннотация

Что скрывается за резными дверями старого шкафа? Наверняка там висят пропахшие нафталином костюмы... за которыми спрятан труп, замотанный в пищевую пленку. В выдвижном ящике для белья, само собой, белье... и под ним зарыт окровавленный молоток с прилипшими к бойку длинными светлыми волосами. Проклятая брошь закатилась в дальний угол, древний запретный фолиант небрежно втиснут в стопку наволочек, между пуховиком и лыжной курткой висит волчья шкура, и... дьявол! Чьи это глаза краснеют на антресоли?! В темноте и тишине шкаф ждет, пока кто-то беспечный распахнет скрипучие дверцы. Шкаф обнимет его первозданной тьмой и зловеще прошепчет – о нет, это вовсе не Нарния!

Содержание

Предисловия?	5
Снегурочка	8
Осторожно, папа, там мертвец!	33
Чистые руки	54
Естество	87
Еще один Роанок	109
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Олег Игоревич Кожин

Шкаф с кошмарами

(сборник рассказов)

© Олег Кожин, текст, 2022

© Катрин Швыдова, обложка, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловия?

Да кто их вообще читает?!

Это первое, что приходит на ум, когда редактор просит тебя написать предисловие к новому сборнику. А второе, застенчивое, – ну, я, например. Святая истина! И велика вероятность, что в этом деле я не одинок. Что ж, кажется, настало время представиться.

– Здравствуйте! Я – Олег, и я читаю авторские предисловия.

*в этот момент вы хором говорите:

– Здравствуй, Олег!

К слову, *писать* предисловия до этого мне не доводилось. У меня это впервые, так что будьте со мной понежнее.

Итак, предисловия все-таки кто-то да читает. Осталось разобраться – для чего?

Знаете, есть такая странная читательская особенность – отождествлять хоррор-автора с его текстами. Положа руку на сердце, могу с уверенностью сказать – никогда не слышал, чтобы читатель считал автора фэнтези хорошим мечником или славным укротителем драконов просто по определению. Или там детективщика – великим сыщиком, автора женской прозы – роковой красоткой, фантаста – капитаном звездолета. Нет такого. Зато обозвать хоррорщика больным ублюд-

ком – как здрасте. Притом что в том же фэнтези авторы гробят народ целыми армиями, странами и даже расами. А в фантастике взорвать планету – все равно что чихнуть.

Так вот как раз из предисловия читатель может с удивлением узнать, например, что Подольский вовсе не злобный садист, Кабир не молится козлоголовому божеству, а Матюхин не пытается в застенках доверчивых девушек. Впрочем... может и не узнать. Поймите правильно, я люблю этих парней, и как людей, и как авторов, но живьем вижусь с ними крайне редко и никогда не бывал у них дома...

Хм-м-м... тогда так: из предисловий читатель может узнать, что основа для страшных историй зачастую оказывается совсем нестрашной. Я написал «Снегурочку» из одной-единственной фразы: «Горячим меня не кормите». Чудовищно душным летом, на даче, с маленьким плачущим ребенком на руках, я выбрал самую «холодную» сказку, какая только нашлась под рукой, и читал ее вслух множество раз. Дочка успокаивалась при звуках моего голоса, а зимняя сказка дарила мне мнимое ощущение прохлады. До сцены с костром, конечно же.

И вот, в очередной раз, фраза «горячим меня не кормите» повернулась под каким-то совершенно другим углом и стала основой рассказа, разорвавшего первую «Чертову дюжину» в далеком 2013 году. Видите, как все просто? Хотя... взглянуть на простые вещи под «страшным» углом может далеко не каждый. Тут нужен особый склад ума. Дьявол! Похоже,

мы, хоррорщики, все-таки больные ублюдки. Бойтесь нас!

Снова непоняточка. Так для чего все же нужны предисловия? И что ищут те, кто в них заглядывает? Мне кажется, они хотят услышать авторский голос. По крайней мере, я открываю предисловия именно за этим. Ведь в историях за автора говорят его герои. Он перевоплощается в них, проживает их жизни, ощущает их ужас и, в редких случаях (мы ведь все еще говорим о хорроре, да?), испытывает их триумф. И только в предисловии – ненадолго становится самим собой...

Стоп! Получается, что чистому авторскому голосу отводится лишь пара страниц звучания. Эй! Почему так мало? Я ведь еще не рассказал о каждом рассказе, о ценности трудолюбия и переоцененности вдохновения, о том, какую музыку слушаю, какие напитки предпочитаю и о тварях, чьи глаза никогда не видели солнца. Впрочем, о последних расскажут мои герои. Те, которым посчастливится выжить. Мне же редактор намекает, что пора закругляться.

Так, попробую по-быстрому представиться еще раз. Слушайте мой голос, и не заметите, как вместо меня начнут говорить другие, населившие страницы этой книги, оживленные вашим воображением.

– Привет! Я – Олег, и я люблю рассказывать страшные истории. Их у меня полный шкаф. Я слышал, ты ищешь именно такие? Ну так вот...

Снегурочка

На первый взгляд Маррь ничем не отличалась от других заброшенных карельских деревушек. Полтора десятка кособоких приземистых домиков, прилипших к обеим сторонам дороги, больше напоминающей временно пересохшее русло бурной реки. Такие места, с легкой руки остряка Лешки Ильина, группа называла «ненаселенными пунктами». Два дня назад они оставили за спиной сразу три таких «пункта». Еще один миновали не далее как вчера. Не было никаких оснований ожидать, что в пятой, наиболее удаленной от цивилизации, деревне еще остались люди. Бог – он троицу любит. Про пятерки никто не говорил.

И все же Сергей Иванович Потапов привел группу в Маррь. Потому что упоминание в монографии Гревингга – это вам не фунт изюму! Сложенная вчетверо ксерокопия брошюры лежала в нагрудном кармане потаповской «энцефалитки», возле самого сердца, и стучала там как пресловутый «пепел Клааса».

– Да поймите вы! Это же тысяча восемьсот пятидесятый год! – вещал он на каждом привале, размахивая перед Аленкой и Лехой мятыми перепачканными листами. – Афанасьев эту легенду только через девятнадцать лет запишет! А у Гревингга – вот! Даром что геолог!

Потапов шлепал распечаткой по колену и с видом побе-

дителя поправлял очки. Малочисленная группа не спорила. Меланхолично пожимала плечами, хмыкала неоднозначно и продолжала заниматься своими делами. Алена Виртонен, большая аккуратистка и умничка, перепаковывала рюкзак, стремясь достигнуть какой-то запредельной эргономичности, а Лешка Ильин неловко пытался ей помогать. Студенты не разделяли восторгов своего руководителя. Подумаешь, самое раннее упоминание легенды о Снегурочке! Если бы кто-то из них заранее знал, что до зачета – неделя пешего пути... В первую же ночевку Сергей Иванович невольно подслушал, как Лешка, жалуясь Алене на стертую ногу, бросил в сердцах:

– Манал я такие «автоматы»! Ну, Потапыч, зараза лысая!

А сейчас лысину Потапова нещадно пекло июньское солнце, от которого не спасала даже бандана. В Маррь они вошли чуть за полдень, когда светило включилось на полную мощь. На единственной улице не было ни души. Стук и зычные крики, исторгаемые Лехиной глоткой по поводу и без, увязали в плотной пелене тишины, стелющейся от дремучего леса, кругом обступившего деревню. Однако опыт подсказывал Потапову, что Маррь все же живая. Во-первых, в воздухе отчетливо пахло дымом. Не едким костровым, а более мягким, печным. Во-вторых, стекла в большинстве изб хоть и заросли грязью, но стояли. Мертвые дома, как и люди, в первую очередь лишаются глаз. Только не птицы их выклеивают, а ветер. Ну и в-третьих... где-то недалеко жалобно

блеяла коза.

– Ау! Есть кто живой?!

Леха забарабанил кулаком в высокие посеревшие от времени ворота с ржавым кольцом вместо ручки. Заборы здесь ставили из наглухо подогнанных друг к другу досок, почти в два человеческих роста. Не то что редкозубые оградки, догнивающие свой век в пройденных «ненаселенных пунктах». Пытаясь заглянуть во двор сквозь щель в воротах, Потапов мягко отеснил Лешку в сторону.

– Эй, хозяйева, есть кто дома?! – Сергей Иванович вложил в голос максимум почтения. – Мы этнографическая экспедиция...

Никто не ответил. Потапов прислушался. Показалось, или за забором действительно заскрипела приоткрывшаяся дверь? Стянув бандану, он обмахнул прелую лысину и стер капельки пота над верхней губой.

– Сергей Иванович, – Аленка деликатно дернула его за рукав, – местный житель на горизонте.

С противоположного конца деревни, вывернув из-за сарая с провалившейся крышей, плелась одинокая фигура – рыхлая женщина с нечесаными патлами, скрывающими широкое лицо. Покрытые синяками и ссадинами полные руки безвольно повисли вдоль тела. Окутанные облачками пыли босые ноги шлепали по засохшей земле. В такт мелким семенящим шагам подпрыгивали обвислые груди, прикрытые одной лишь грязной ночной рубашкой. Другой одежды на

женщине не было.

– Ого! С утра выпил – день свободен! – гоготнул Лешка. – Интересно, чем это мадам так упоролась? Тормозухой, что ли?

Сергей Иванович сделал пару шагов навстречу и точно мантру повторил:

– Мы этнографическая экспедиция! Доброго дня вам!

Никакой реакции. Взгляд женщины, направленный сквозь трицу этнографов, уходил куда-то вдаль, теряясь в густом лесу. Грязные ноги, живущие отдельной от тела жизнью, выворачивались под самыми необычными углами, отчего казалось, что движется женщина благодаря одной лишь инерции. Сбросив рюкзак на землю, Лешка пошел ей навстречу.

– Леш, да не трогай ты ее! На фиг, на фиг... – в голосе Алены послышалась брезгливость. – Больная какая-то...

– Да погоди, ей, по ходу, плохо совсем, – отмахнулся Ильин. – Эй! Эй, тетя!

Ни тогда, ни потом Потапов так и не почувствовал опасности. Вплоть до момента, когда исправить что-то стало уже невозможно. Опасность? Это ясным-то днем?!

Вблизи толстуха в ночнушке оказалась весьма рослой. Головы на полторы выше Лешкиных ста восьмидесяти. Поравнявшись с парнем, она подняла руки, словно предлагая обняться. Неугомонный Ильин, вполголоса выдав какую-то пошлую шутку, попытался отстраниться. Суетливо, нервно. Видно, сумел разглядеть что-то за шторкой грязно-белых во-

лос. Нечто такое, во что и сам не сразу поверил. А потом уже попросту не осталось времени. Совсем. Пухлые ладони одним невероятно быстрым и выверенным движением свернули Лешке шею.

Треск сломанных костей показался Потапову таким громким, что заложило уши. Эхо страшного звука металось над притихшей деревней, рикошета от мрачных елей, как пинбольный шарик. Где-то совсем рядом заорал какой-то мужик. Потапов не сразу осознал, что этот перепуганный рев вылетает из его глотки, а сам он уже мчится к упавшему в пыль Лешке. В спину хлестнул тонкий визг Алены, наконец сообразившей, что произошло. На полном ходу Потапов налетел на толстуху, угодив костлявым плечом аккурат между обвислых грудей, и, не удержавшись на ногах, повалился сверху на рыхлое, студенистое тело. От удара Сергей Иванович прикусил язык, очки слетели с носа и утонули в высохшей колее. Женщина под ним извернулась, неожиданно мягко и плавно вильнув бедрами, словно подталкивая к соитию. Несмотря на весь ужас ситуации, Потапов отстраненно почувствовал, как обгоревшие на солнце щеки заливает краска смущения. Отталкиваясь руками, он попытался подняться...

...и глупо застыл, в миссионерской позе нависнув над сбитой женщиной. Их лица разделяло меньше полуметра. На таком расстоянии Потапов прекрасно видел даже без очков. Но поверить увиденному не мог. Под ним лежал не чело-

век. Грубое лицо существа покрывали короткие, напоминающие щетину прозрачные волоски, под которыми легко просматривалась ноздреватая пористая кожа. Грязно-белые патлы смело на затылок, обнажив вывернутые ноздри, острые звериные уши и бессмысленный мутный глаз цвета затянутого ряской болота. Один. Прямо посреди лба. Жуткую морду на две неравные части разделяла тонкая щель безгубого рта. Она медленно распахивалась, обрастая неровными треугольными зубами, широкими и крепкими. А Потапов, как загипнотизированный, смотрел и не верил глазам.

Больно вдавив кадык, горло Потапова перехватили толстые пальцы. Лишившись воздуха, он наконец затрепыхался, тщетно пытаясь отодрать обманчиво слабые руки. Под рыхлыми телесами скрывались стальные мышцы. Перед глазами учителя заплясали фиолетовые круги. Непрекращающиеся крики теперь долетали до него будто через толстое ватное одеяло. В ушах звенело. Лишенное кислорода тело зашлось мелкой дрожью. Пытаясь вырваться, он бестолково молотил кулаками бледную тварь и что-то хрипел. В какой-то момент Потапову послышалось, как в дрожащий Аленкин визг вплетается встревоженный старческий голос – предсмертный кульбит паникующего мозга. А через секунду грубые тиски на горле разжались, дав дорогу потоку восхитительного свежего воздуха. Голова взорвалась разноцветной вспышкой, горло разодрал жгучий кашель, и Потапов завалился на бок, больно приложившись головой о твердую землю. Он

понимал, что сейчас, в непосредственной близости от смертельной опасности, не самое подходящее время, чтобы терять сознание. Но когда невидимые руки подхватили его с двух сторон и потащили прочь, Сергей Иванович все же благодарно нырнул в черную бездну беспамятства.

* * *

Сквозь щели забранных ставнями окон на грязный пол падал свет. День вошел в полную силу: полутемную избушку со всех сторон пронзали солнечные спицы. Пролетающие сквозь них пылинки вспыхивали волшебными искрами. Во дворе заливисто чирикали дерущиеся воробьи. Где-то на краю деревни хрипело радио «Маяк»...

За высоким забором молчаливо топталась бледная погань.

Покачав кудлатой седой головой, дед Хилой отодвинулся от окна. Видимо, не доверяя ставням, для верности задернул его занавеской. В доме страшно воняло падалью, однако ни у кого даже мысли не возникло попросить распахнуть окна. Эпицентр смрада, похоже, находился где-то в кухне, но заходить туда не хотелось совершенно.

– Мужика хочет, – косясь на Потапова, сказал хозяин. – У ней щас самая пора, етись.

Их спаситель оказался крепким высоким стариком, удивительно подвижным для своих лет и габаритов. Повадки и

действия его напоминали матереого первопроходца, чей форт осаждают кровожадные индейцы.

– Что ж она Лешку тогда... – закончить Потапов не сумел. Всклипнул по-бабьи и откинул голову назад, крепко приложившись затылком о бревенчатую стену. Боль отрезвляла, не давала забыть, что происходящее с ними реально.

– А того, что поперву – еда! А опосля уж все остальное. – Дед Хилой назидательно покачал узловатым перстом. – И что вам дома не сидится, туристы, в бога душу...

– Сказки собирать приехали, – ядовито ответила Аленка. Она поразительно быстро пришла в себя. Едва ускользнувший от смерти Потапов, забившись в угол, трясся осиновым листом, а девчонка, всего час назад визжавшая так, что лопались стекла, воинственно расхаживала по комнате, примеряя к руке то изогнутую кочергу, то увесистое полено, сдернутое со сложенного возле печки дровяника. Не удовлетворившись, вынимала из кармана складной нож и принималась проверять, легко ли выходит лезвие. Она жаждала действия. Дед Хилой со своего табурета наблюдал за Аленкиными манипуляциями, посмеиваясь в бороду.

– Ты, девонька, шилом своим ее разозлишь только. От стали в таких делах од...

– Что она такое?! – перебила Алена. – Леший? Йети? Кикимора какая-нибудь?

Этот вопрос она задавала каждые пять минут. Дед Хилой отмалчивался. Вот и сейчас, недовольно зыркнув на непо-

чтительную соплюху, он просто закончил начатую фразу.

– ...одна польза – горло себе перерезать, чтобы живьем не взяла.

Виртонен резко обернулась к Потапову.

– Бежать надо, – выпалила она. – Вернемся с помощью и раскатаем эту мразь...

Сергей Иванович испуганно икнул. Сама мысль о том, чтобы выйти наружу, снова ощутить сверлящий взгляд одинокого глаза... почувствовать себя мясом... Спина его неосознанно вжалась в ошкуренные бревна. Глядя на суемящуюся девчонку, дед Хилой недоверчиво выгнул брови, в который раз уже покачал нечесаной башкой и скрылся в кухне.

– Рванем со всех ног! Она же плетется как дохлая кобыла! – присев возле учителя, Виртонен схватила его за плечи. – Она нас хрен догонит! Давай, Потапыч, миленький! Рюкзаки бросим и рванем...

В запале Алена даже не заметила, что назвала преподавателя по прозвищу. Глаза ее лихорадочно горели, изломанные в походе ногти царапали кожу Потапова даже сквозь куртку. Напрягшиеся мышцы поджарого девичьего тела излучали нерастраченную энергию. Для себя Виртонен уже все давно решила. Сергей Иванович опустил голову, пряча взгляд среди рассохшихся досок давно не метенного пола.

– Тряпка! – брезгливо выплюнула Аленка.

Больше она не произнесла ни слова. Деловито распотрошила рюкзак, откладывая в сторону самое необходимое. Рас-

пихала по карманам пакетики с орехами и изюмом, полулитровую бутылку кипяченой воды, складной нож и спички. Длинный «полицейский» фонарик оставила в руке, накинув петлю на запястье. Решительно отбросила засов и шагнула на улицу, так ни разу и не взглянув на сжавшегося в углу Сергея Ивановича.

На шум открывшейся двери из кухни выглянул дед Хилой. Безучастно оглядел комнату: Потапова, разоренный рюкзак, распахнутую дверь. Потом кивнул и сказал:

– Не пошел? Правильно сделал.

– У меня мениск поврежден, – поспешил оправдаться Сергей Иванович. – А у Алены разряд по легкой атлетике! Я темпа не выдержу, а так...

– Сдохнет, – равнодушно перебил дед Хилой. – Хоть так, хоть этак.

Шурша заскорюзлыми шерстяными носками по полу, он прошаркал к двери, но не закрыл ее, а остался стоять в проеме, козырьком приложив руку ко лбу.

– Позапрошлой зимой Лиша шестерых мужиков положила. С ружьями и собаками. Трех уже в лесу догнала, и снегоходы не помогли. Эт она только на солнышке квелая, а ночью скачет – что твоя коза! А уж зимой...

Потрясенный Потапов встал и опасливо подошел к своему спасителю. С высокого порога крохотная Маррь отлично просматривалась в обе стороны. Сергей Иванович как раз успел заметить, как скрылась между елок ярко-красная кур-

точка Алены Виртонен. Следом за ней с огромным отставанием плелось существо, голыми руками убившее Лешку Ильина.

– Как... – Потапов нервно сглотнул. – Как вы ее назвали?

Дед Хилой смерил учителя хмурым взглядом из-под разросшихся седых бровей.

– Сказки, говоришь, собираешь? – невпопад ответил он. – А слышал такую: жили-были старик со старухой, и не было у них детей. Уж сколько они Христу ни молились – все без толку! А как пошли они в лес дремучий, старым богам поклонились, вылепили себе дитяню из снега, так и ожила она. Подошла к ним да молвит: «Тятенька, маменька, я теперича дочка ваша, оберегать вас стану. Только горячим меня не кормите – растаю!» Обрадовались дед с бабкой да назвали девчонку...

– Снегурочкой... – шепотом закончил Потапов.

Дед Хилой кивнул. У кромки леса мелькнула в последний раз и исчезла грушевидная фигура женщины в грязной ночнушке.

– Далеко не убежит. – Старик отнял руку от морщинистого лба. – К утру назад воротится. Пойду-ка к Тойвовне схожу, мукой одолжусь, раз такая оказия.

Кряхтя от усердия, дед Хилой натянул резиновые калоши и ушел. К соседке. За мукой. Как будто мир по-прежнему оставался нормальным.

Дед Хилой вернулся с берестяным лукошком, в котором, помимо муки, оказалась пыльная литровая банка и мешочек с неведомым содержимым. Привычно заложив засовом толстую дверь, старик скинул калоши и отправился на кухню. Потапов набрал побольше воздуха в легкие и отправился туда же, с головой нырнув в смердящий воздух. Источник тухлого запаха обнаружился сразу: жестяной таз, стоящий в самом углу, за печкой. А точнее, его содержимое – пяток ворон со свернутыми шеями. По черным перьям лениво ползали жирные личинки, при виде которых желудок Потапова подпрыгнул к горлу. Глядя на побледневшего учителя, дед Хилой прикрыл таз пыльным мешком.

– Ты морду-то не криви, сказочник! Эта пададь тебя от смерти спасла... а может, и от чего похуже.

Осторожно высунув нос из-под ладони, Потапов наконец решился вдохнуть. Не сказать чтобы воздух очистился, но делать было нечего.

– Разве может быть что-то хуже?

– Кому как, – философски заметил старик. – Оно, может, и впрямь ничего хуже смерти нет. Да вот только помирать, опосля себя целый выводок одноглазых щенков оставляя... мне б совсем тоскливо было. Дети – они ж страшнее семи казней египетских. А Лиховы дети...

Хилой замолчал, укладывая в топку нарезанную щепу и бересту. Чиркнула спичка, и огонь проворно перепрыгнул на маленький деревянный шалашик. Белый дым потянулся было к дверце, но быстро опомнился и устремился кверху. Загрузив печь дровами, дед Хилой захлопнул дверцу. Эмалированный чайник звякнул закопченным дном, встав на плиту. Под напором засаленной открывалки с принесенной банки слетела крышка. В острой вони гниющей птичьей плоти проклюнулась тонкая нотка клубничного аромата.

– Вот. Тойвовна гостюшке передала. – Старик подвинул к Потапову чайную ложку и блюдо со сколотым краем. – Тебе, значит. Почаевничаем. Это снегуркам горячего нельзя, а нам...

– Вы сказали, что это... – Чтобы не смотреть на укрытый мешком таз, Потапов сел вполоборота. – ... Что это меня спасло. Как?

На долгое время воцарилось молчание. Пока на плите не забулькал чайник, старик сидел за столом, демонстративно не глядя в сторону Сергея Ивановича и занимаясь своим делом. В таинственной мешочке оказались измельченные травы, ароматные настолько, что даже мерзкая вонь, сдавшись, расползлась по углам и затаилась, выжидая время, чтобы вернуться. Только когда чашки наполнились чаем, а в блюдах растеклись кровавые лужицы, украшенные крупными ягодами клубники, дед Хилой наконец заговорил:

– Ты, кажись, сказки собирать приехал? Ну так и слушай,

старших не торопи!

Покорно склонив голову, Потапов принялся прихлебывать обжигающий травяной отвар. Оледеневшее от страха нутро, кажется, начало оттаивать.

– Лишке горячее пить – себя губить. Она суть что? Упырь обнакновенный! Просто не кровушку горячую ест, а токмо мертвечину холодную. Видал, как она дружка-то твоего оприходовала? Ни единой капельки не пролила! Трупоеды от живой крови дуреют шибко, потому как меры не знают. Нажрутса от пуза, а потом болеют... Ну а когда она тебя душисть стала, я ее вороной и угостил. Лишке – чем гнилее, тем слаще! А ты как думал, я для себя эту падаль готовлю? Мы Лишку по очереди подкармливаем, штоб, значитса, за нас не взялась...

Старик слизал с ложки огромную ягоду и довольно причмокнул. Потапов, внутренне содрогаясь, вспомнил широкую пасть и зубы... слишком тупые для того, чтобы рвать живое мясо. Больше пригодные для дробления костей, в которых таится сладкий мозг.

– Лишка – это Лихо? Лихо Одноглазое?

– Смышленный, – кивнул хозяин, счищая с ложки излишки варенья о край блюдца.

– А... а Снегурочка?

Над столом вновь повисло молчание. Дед Хилой задумчиво выхлебал кружку до дна и наполнил по новой. Когда Потапов решил, что старик вновь обиделся, тот внезапно начал

рассказывать. Он говорил долго, путано, с какой-то неявной, но плохо скрытой горечью.

– У нас за Марревой гатью испокон лихи водились. Когда моя прабабка маленькой была, они в лесу еще чаще встречались, чем теперь зайцы. Так она сказывала. А когда ее прабабка девкой сопливой была, так и вовсе, мол, целыми семьями жили, голов по двадцать. И людей тогда не губили. Их не тронь, и они не тронут. Зверя – вдоволь, рыбы, птицы – на всех хватает! Ягода, грибы, корешки разные – не то что сейчас. Летом жирок копили, а зимой спали совсем как косолапые... но уж если просыпались по зиме, всем худо приходилось. Наша Снегурочка уже восьмую зиму не спит...

Забыв про стынувший в кружке чай, Потапов слушал разинув рот. Уста хмурого неприятного старика отматывали назад историю, столетие за столетием, к самому началу времен, где бок о бок с Человеком жили те, кто сегодня уцелел лишь в сказках. Туда, где шаманские пляски призывали дождь и солнце, в покрытых ряской водоемах плескались пышногрудые русалки и рыскала под землей белоглазая чудь. Где Одноглазое Лихо было такой же частью природы, как вороны и медведи, и олени, и белки, и другие четвероногие, пернатые и ползучие твари.

Внимая торопливой, сбивчивой речи марревского старожилы, Потапов с головой погружался в мир древнего волшебства, жестокой кровавой магии. Становился сторонним наблюдателем грандиозной битвы за место под солнцем, в ко-

торой проигравшая сторона исчезала навсегда, превращаясь в предания, легенды и детские страшилки. Избегая войны с более сильным и жестоким противником, Старый Мир откатывался все дальше и дальше. И постепенно не осталось лесов настолько глухих и далеких, чтобы туда не добрался вездесущий Человек, жаждущий новых охотничьих угодий, рыбных рек и пахотных земель. А потом чужеземцы из-за моря подарили Человеку Крест. И Человек захотел очистить новые земли от скверны...

Страх исчез. Смытый душистым травяным чаем, уступил место жалости. Тоске по убитой сказке. В голове шумело, точно после выпитого литра водки. Разглаживая на столе мятую распечатку монографии Гревингга, Сергей Иванович втолковывал ничего не понимающему, осунувшемуся старику:

– Всегда не мог понять, что за мораль у этой сказки? Не лепи детей из снега? Не прыгай через огонь? Не слушай подружек? Какой позитивный посыл несет эта история? Чему научит ребенка? А ведь просто искал не там! Кто бы знал, а?! Горячим меня не кормите...

Она действительно вернулась только с рассветом. Дед Хилой уже спал, забравшись на прогретую печь, а Потапов, распахнув ставни, смотрел, как потягивается просыпающаяся заря. Снегурочка вышла из леса, стряхивая с босых ног рваные останки ночного тумана. Вышагивая легко, почти грациозно, она больше не напоминала пьяную гориллу. Прямая

спина, высоко поднятая голова, уверенный шаг. Вся она даже стала как будто стройнее и чище. В грубых линиях ее лица, в тяжело обвисших грудях и отяжелевшем от многочисленных родов животе Потапов видел черты языческих богинь, чьи статуэтки по сей день находят от Урала до Дальнего Востока. Вымокшая в росе шерсть серебрилась и отблескивала в лучах зарождающегося светила. В это мгновение Снегурочка казалась почти прекрасной. Неземной. Осколком старого дикого мира. Частичкой зимы, неведомо как уцелевшей жарким засушливым летом.

Потапов не мог сказать, сколько из этого он действительно увидел, а сколько дофантазировал, вдохновленный рассказом Хилого. Волшебство пропало, когда кротовьи глазки учителя разглядели среди травы яркое пятно. Правой рукой Снегурочка волокла за ногу тонкое девичье тело в разодранной красной куртке. На вывернутом запястье мертвой Алены болтался включенный полицейский фонарик. Стиснутая ладонь по-прежнему сжимала рукоятку ножа. Стальное лезвие, обломанное чуть выше середины, испачкалось в чем-то черном и липком.

* * *

И дни потянулись транспортерной лентой – такие же повторяющиеся, бесконечные и черные. Еще затемно дед Хилой уходил на огород, отгороженный от Снегурочки высо-

ким забором. Там он копался на грядках, пропалывал, рыхлил и поливал, а к обеду, проверив ловушки на ворон, возвращался в дом, прячась от полуденного солнца. Не зная, куда себя пристроить, Потапов слонялся по двору, стараясь не подходить близко к воротам.

На восьмой день вынужденное заключение стало невыносимым. Мертвого Лешку Снегурочка уволокла в сторону леса, а тело Алены, брошенное на самом солнцепеке, быстро превращалось в падаль. Каждую ночь лихо приходило к нему кормиться. К счастью, батарейка фонаря разрядилась еще до наступления сумерек. Однако Потапов все равно не мог уснуть, слушая чавканье, хруст разгрызаемых костей и отвратительные сосущие звуки. А по утрам белесая тварь подтаскивала исковерканные останки поближе к окну и совсем по-звериному принималась на них кататься. Глядя на это дело, дед Хилой мрачно шутил.

– Покатайся-повалайся, Аленкина мясца поевши... – усмехался он, не зная даже, что совершенно точно угадал имя убитой Виртонен. – Вишь, как изводится, Лишка-то! Эт она для тебя старается, невеста бесова... Марафет наводит...

Юмор у него был сродни хирургическому: циничный, выстраданный долгими годами, проведенными бок о бок со Смертью. И на восьмой день Потапов понял, что если еще хоть часок проведет среди удушающей жары, омерзительной вони и чернушных шуточек, то сойдет с ума и сам выскочит к одноглазой твари с предложением руки и сердца.

В рюкзаке покойной Виртонен нашлось все необходимое. Сидя на крыльце, освещаемый лучами восходящего солнца, Потапов обматывал найденную во дворе палку обрывками Аленкиной футболки, тщательно вымоченными в бутылке с бензином для костра. Он пытался прочувствовать момент, ощутить себя древним витязем, идущим на бой с темными силами, но получалось слабо. Потапов не был рожден для битвы. Для пересчета всех его драк хватало пальцев одной руки. И даже тогда неиспользованных оставалось больше половины.

Закончив импровизированный факел, Потапов встал возле высоких ворот, все еще надеясь уловить важность момента, какой-то особый мистический знак. Однако все оставалось прежним: лысеющий учитель истории с пересохшим от волнения горлом по одну сторону забора и беловолосая одноглазая погибель, шумно сопящая – по другую. Слышно было, как за домом сам с собой разговаривает дед Хилой. Потапов недоуменно пожал плечами, поджег факел, откинул засов и шагнул на улицу. Будто пересекая черту между миром живых и миром мертвых.

С пылающим факелом в руке он больше не боялся. Отдав шись во власть электричества, люди утратили веру в огонь. Неудивительно, что за восемь лет никто даже не подумал о том, чтобы сжечь одноглазое лихо. Люди слишком привыкли полагаться на свои игрушки. Навигатор выведет из самой глухой чащи, ружье защитит от хищников, а фонарь разго-

нит тьму. Вот только как быть с теми, кто сам – часть тьмы? Сжечь! Огонь вечен, он никогда не боялся темноты и того, что в ней сокрыто. Потапов мысленно поблагодарил погибших студентов, подаривших ему время, чтобы осознать это.

При виде огня единственный глаз Снегурочки широко распахнулся. Страх – первая живая эмоция, которую Потапов прочел на грубой уродливой морде. Снегурочка торопливо отпрянула. Пылающий факел очистил дорогу в доли секунды. Можно было спокойно уходить, двигаться к городу, ночами отгораживаясь от нечисти ярким костром. Но до ближайшей деревни дней пять ходу. Без еды и воды протянуть можно. Без сна – никак. И потому Потапов собирался драться.

– Ты чего это удумал, иуда! – взревело над самым ухом.

Жесткие пальцы впились в плечи, отбрасывая Потапова от сжавшейся перепуганной твари. Отлетевший в сторону факел упал в высохшую колею и погас. Учитель вскочил на ноги и едва успел закрыться руками, как на него налетел дед Хилой. Удар у старика оказался поставленным, хлестким и на удивление болезненным. Чувствовалось, что в молодости дед не пропускал ни одной деревенской драки. Но разница в возрасте давала о себе знать. Совершенно небоевой Потапов все же был моложе и сильнее. Первый же его удар расквасил старику нос, выбив из ноздрей красную юшку. На этом драка и закончилась.

Роняя сквозь пальцы красные капли, дед Хилой со всех

ног бросился к дому. Потапов резко обернулся, понимая, что опоздал, уже почти чувствуя прикосновение холодных ладоней к своей шее... Но вместо этого увидел, как Снегурка, жадно втягивая медный запах вывернутыми обезьяньими ноздрями, точно зачарованная пялится вслед старику. Сейчас она походила на голодную собаку, не смеющую стянуть лакомый кусок со стола хозяина. Потапов зашелся безумным визгливым хохотом.

– Так, значит?! – заорал он, заставив Снегурочку обернуться. – Горячим тебя не кормить, да?! А ну, сука!

Он неуклюже прыгнул к обглоданному телу Аленки Виртонен, даже в смерти все еще сжимавшей покрытый черной кровью нож. Прижался запястьем к обломанному лезвию, с силой надавил. Было почти не больно.

С окровавленной рукой вместо оружия, он встал, шагая навстречу Снегурочке. Та завертелась вокруг, то подаваясь вперед, то отпрыгивая обратно. Жадно клекотало звериное горло. От нетерпения Снегурочка жалобно поскуливала. Кровь уже пропитала рукав «энцефалитки» до локтя, когда она, не выдержав, кинулась к Потапову и присосалась к открытой ране, подобно огромной белой пиявке. Только тогда Потапов почувствовал настоящую боль. Тупые треугольные зубы жадно терзали разрезанное запястье. Красные пятна, перепачкавшие оскаленную морду лиха, казались ненатуральными. Напрасно Потапов отчаянно бил свободным кулаком в рыхлое тело кровососа. Снегурочка только сильнее

впивалась в рану. Когда же она наконец оторвалась, Потапову показалось, что жизни в нем осталось на самом доньшке. Под коленки точно ударил какой-то невидимый шутник – учитель рухнул на землю как мешок с ветошью. Рядом на четвереньки опустилась перемазанная кровью Снегурочка. Выгнув спину, она зарылась грязными пальцами в прогретую пыль и тут же вновь распрямилась. Из объемистого живота донеслось громкое урчание. Безгубая пасть распахнулась, выплескивая наружу сгустки свернувшейся крови и не переваренные куски гнилой плоти. Снегурочку рвало так долго, что Потапов успел наскоро перетянуть поврежденную руку оторванным рукавом. Кое-как встав, он доковылял до факела. Непослушными пальцами вытащил из кармана зажигалку... Шатаясь как пьяный, подошел к Снегурочке и ткнул огненной палкой прямо в грязно-белую паклю волос. Полыхнуло так, что не ожидавший этого Потапов едва не упал. Над улицей пронесся визг, протяжный и жуткий...

Сколько времени он провел, отрешенно пялясь на горящее тело лиха, Потапов не знал. Опомнился, лишь когда увидел, что пустынную улицу Марри, точно призраки, заполнили скрюченные старостью фигуры. Среди них, зажимая ноздри окровавленной тряпкой, стоял и дед Хилой. Потапов ткнул потухшим факелом в чадающие останки.

– Вы свободны! – крикнул он старикам. – Теперь вы свободны!

Получилось как-то пафосно и неискренне. В ответ – гро-

бовое молчание. Лишь далекое эхо еле слышно коверкает окончание глупой пошлой фразы. Сергей Иванович растерянно огляделся. Что-то блеснуло в дорожной пыли под ногами, послав солнечного зайчика в сощуренные глаза Потапова. Потерянные очки так и лежали здесь все это время. С трудом удерживая равновесие – обескровленное тело слушалось плохо и все норовило упасть, – Сергей Иванович поднял их и водрузил на нос. Лица марревских жителей впервые проявились перед ним ясно и отчетливо, точно кто-то подкрутил резкость картинки этой Вселенной. Недовольство, испуг, раздражение и даже ярость прочел он в них, но никак не облегчение. Никто не радовался избавлению.

Сплюнув отсутствующей слюной, Потапов, шатаясь, ушел во двор Хилого. Вернулся он уже с топором и пустым рюкзаком. Обгорелую голову Снегурочки, зияющую единственной опустевшей глазницей, он отсек только с пятого удара. Накрыл рюкзаком, сбивая остатки пламени, и в этот же рюкзак спрятал свой трофей... свою будущую славу. После чего презрительно сплюнул вновь, на этот раз демонстративно, и покинул Маррь, оставив за спиной полтора десятка стариков, медленно стягивающихся к догорающей Снегурочке.

* * *

Седенькая старушка Марта Тойвовна по-детски дернула деда Хилого за рукав.

– Староста, чего делать-то будем?! – голос ее подрагивал от испуга. – Он же других приведет!

– Городские опять иконы мои забрать захочут, – прошамкала беззубая бабка Анники. – Иконами разве можно торговать-то?! Господи, прости!

Она мелко перекрестилась двумя перстами. Нестройный хор голосов загудел со всех сторон, разделяя опасения односельчан.

– Землю! Землю отымут! – пророчил скрюченный ревматизмом дед Федор, заботливо обнимающий супругу, вперившую ослепшие глаза в пустоту.

– Тихо! – Дед Хилой поднял мосластые руки вверх, пересекая базарный гомон. – Тут вот что... Я с неделю назад у Марревой гати лося дохлого видал. Лишкиных пацанов работа. Так что очкарику нашему житья – до первых сумерек. Щенки не выпустят. Они ему за Лишку сами голову открутят... Уж они-то точно мамку услышали...

– Староста, слышь-ка! А ну как очкарика искать придут? А и не искать, так просто кто про нас прознает? Каждый год ведь приходят! Кто нас защитит-то теперь?

Тяжелый взгляд старосты пополз по лицам сельчан, добрался до согбенного деда Федора и остановился.

– Сосед, а не пора ли вам с Дарьюшкой детишек завести? Очередь-то ваша вроде...

Дед Федор еще крепче прижал к себе жену и кивнул. Та благодарно погладила его по морщинистой руке. Ее ослеп-

шие глаза наполнились слезами. Одинокие старухи завистливо ворчали что-то невразумительное, не смея спорить в открытую.

– Значит, решено. – Дед Хилой рубанул воздух ладонью. – Как снег ляжет, пойдете за Марреву гать. Новую Снегурку будить надо.

– Господи, – прошептала слепая Дарья. – Господи, счастье-то какое!

Осторожно, папа, там мертвец!

На вторую ночь от матраса стало нести падалью. Не то чтобы сильно, но перевернешься с боку на бок, прижмешься лицом, втянешь носом свежий запах белья, и там, под стиральным порошком, дешевым ромашковым кондиционером, летним уличным ветром и ночной прохладой, чувствуешь его – тошнотворный смрад разлагающейся плоти. Сначала Женька думал на Маркизу – вечно приволочет то воробья с оторванной башкой, то крысу с выпущенными кишками. Но на кровати ни шерстинки, ни перышка, ни капельки крови. Женька даже постельное белье поменял – без толку. Падалью вонял сам матрас, хоть стирай его, хоть заливай одеколоном. Это могло означать только одно:

...капля за каплей, капля за каплей, и вода переливается через край чашки...

...невесомая соломинка планирует на крепкую натруженную спину верблюда...

...еще один только сон, еще один только кошмар – и...
все страшные вещи случаются на третью ночь. Две уже прошли.

Главное – не забыть, не потерять эту мысль среди скрученных змеиными кольцами кошмаров. Главное – не растворить важное знание в утреннем пробуждении. Запомнить. Затвердить. Убереечь себя. Главное – не...

Кровать досталась Женьке на день рождения. Отец любил функциональные подарки. Кровать, хоть и б/у, но почти новая: массивная, деревянная, с вычурными спинками, ортопедическим матрасом и доставкой до квартиры. Больше, чем функциональные подарки, отец любил экономить. Женька не спорил. Старенькая тахта уже не вмещала крепкого тринадцатилетнего подростка.

Два здоровых мужика, кряхтя и потея, затаскивали кровать на четвертый этаж. Сдавленно матерясь, пропихивали ее в прихожую, а затем в Женькину спальню. Кажется, они трижды пожалели о необдуманном обещании, но бросать дело на полпути не собирались. Сами прикрутили спинки, сами уложили на место матрас. Доплати им денег – пожалуй, еще и застелили бы. Старший – широкоплечий бородач с разбойничьими черными глазами – попытался намекнуть, но куда там! Выцыганить у отца денег – все равно что пытаться отобрать у голодающего последний кусок хлеба: есть шанс остаться без пальцев.

– Слышите там, аккуратно, тля! – потягивая «Клинское» из горлышка, покрикивал он на мужиков. – Кровать мою не поцарапайте!

Услыхав робкое «накинуть бы», отец просто предложил им отвезти кровать обратно. Мужики помялись немного, но

перед таким неприкрытым жлобством спасовали. Старший даже плюнул с досады. Натурально плюнул, на пол. Получив оговоренные три зеленые бумажки, матюгаясь уже в голос и топоча ботинками, мужики удалились, а отец просто затер плевков тапкой. Почесывая щетинистый кадык татуированными пальцами, он спросил, кивнув на обновку:

– Ну что, малой, хорош подгон?

– Да вообще отлично, па, – улыбнулся Женька, с размаху плюхаясь на кровать.

Уже тогда ему показалось, что матрас как-то неправильно комковат. Еще новой кровати избегала Маркиза. Та самая Маркиза, которая, не боясь взбучки, спала даже на отцовской подушке. Но значения этому Женька не придал.

* * *

Тяжелый сон отпускал неохотно. Вторую ночь подряд снилась гора. Невероятных циклопических размеров, странно неправильная, нереальная, невозможная настолько, что ее существование не укладывалось даже в рамки сновидения. Одинокая на многие километры чистейшего горизонта. Ни холма, ни впадины, насколько хватает глаз. Только мохнатые клубящиеся тучи, похожие на жирных гусениц.

Женька лежал на самой вершине горы и, глядя вниз, ужасался ее размерам. Тонкая вершина расширялась книзу, расплзалась, а подножие и вовсе терялось в молочном тумане.

Если, конечно, оно было, то подножие.

Вокруг, разрезая облака тонкими лезвиями крыльев, парили огромные вороны с железными клювами. Изредка то один, то другой пикировал вниз, отрывал от горы кусок и стремительно взмывал обратно. Женька наблюдал за их неспешной охотой, и вся неправильность этого места обрела наконец чудовищную ясность. Он лежал на горе человеческой плоти.

Мертвецы ползали друг по другу, перекатывались, погребали себя под другими телами, цеплялись за соседей. Сквозь матрас Женька спиной чувствовал их шевеление, кожей ощущал прикосновения рыхлой плоти. Их отделяла какая-то смутная преграда, вроде толстой прозрачной пленки. Но и ее уже натягивал добравшийся до вершины ссохшийся труп с ввалившимся животом и сгнившими ноздрями. Улыбаясь беззубым ртом, он тянулся к мальчику, щелкая редкими гнилыми зубами. Тянулся прямо к лицу. Все ближе и ближе, на разрыв натягивая ткань реальности.

Распухший язык шевельнулся в черной пещере рта, лизнул Женьку в щеку, и остатки утреннего сна раскололись от испуганного крика.

* * *

Под окном рос немолодой тополь, высотой почти до крыши их пятиэтажной панельки. Он робко постукивал длинной

веткой в окно Женькиной спальни. Человека не выдержит, а для кошки – в самый раз. Маркиза ртутной каплей скользнула в распахнутое окно. Не прикасаясь к матрасу, запрыгнула хозяину на грудь и беспокойно лизнула его в щеку. От прикосновения горячего шершавого языка Женька проснулся. Зловещий сон разорвало на мелкие ватные клочья. Осталось что-то гадкое на душе, но глубоко-глубоко, так, что и не разберешь сразу. Тень, не более.

Женька столкнул Маркизу на пол. Кошка недовольно вякнула и принялась кружить у кровати, нервно оглаживая бока подранным полосатым хвостом. В маленьком горле клокотал недобрый, совсем не кошачий рык. Женька зевнул, хрустнул шеей и, шлепая босыми ногами, поплелся в туалет. Тело ломало, новый матрас оказался жестким и бугристым, как мешок с картошкой. Отец говорил, обкатаешь, примнешь, все отлично будет, но пока второе утро подряд Женьке казалось, что по ночам его избивают ногами. Это все жара, проклятушая жара, укутавшая город душным шерстяным пледом.

Отфыркиваясь и сопя, Женька умылся холодной водой. Потягал гантели, помесил старый кожаный мешок. Десять минут отработывал новые атаки с деревянным ножом. Зона сделала отца нетерпимым к слабости, и сына он воспитывал жестко. Иногда приходилось несладко, но зато в школе и во дворе с Женькой предпочитали не связываться даже пацаны постарше. Знали и про финку в кармане, и про то, что пользоваться ею он умеет.

Женька наскоро закинул в желудок бутерброды с подсохшим сыром. Допив остывший чай, бросил взгляд на подмигивающий с микроволновки зеленый циферблат и подскочил как ужаленный. Полвторого, елки-палки! Как так?! Это ж во сколько он проснулся?! Совсем с этими каникулами расслабился! Через пятнадцать минут нужно быть у ветеринара с Маркизой под мышкой, а до него пилить не меньше получаса быстрым шагом!

Уже два дня кошка протяжно мяучила и утробно ворчала, раздражая Женьку и выбешивая отца. Батя терпением не отличался, так что быстро снарядил сына к ветеринару. Не то чтобы раскошелился – фельдшер ветклиники был его школьным приятелем и обещал стерилизовать кошку по старой дружбе.

Женька натянул шорты, нырнул в мятую футболку с Цоем. На ходу напяливая стоптанные кеды, бросился к выходу и тут вспомнил самое главное. Чертыхаясь, метнулся обратно в комнату, в надежде, что окно закрылось само собой или Маркиза спит после ночной прогулки. Не тут-то было.

– Маркиза?! Кыс-кыс?!

Женька заглянул под кровать, но обнаружил лишь, пустоту и одинокий сморщенный от грязи носок. Безо всякой надежды Женька перегнулся через подоконник. От асфальта поднимался дрожащий ошпаренный воздух, густой как кисель. Июльское солнце утюжило лысеющие газоны и вялые березки. Ни взрослых, ни детей, ни собак, ни кошек. Даже

машин на парковке почти не было. Представив, как развоняется отец, Женька скривился.

Он втянулся обратно. Оставался крохотный шанс, что Маркиза устроилась в гостиной на отцовском диване. Женька повернулся и почти уже выскочил из комнаты, когда взгляд его прикипел к спинке кровати. Не до конца уверенный, Женька вернулся назад и присел на корточки. Между резными деревянными прутьями свисал измочаленный полосатый огрызок, конец которого терялся в матрасе. Прямо в расстегнутой молнии чехла, напоминающей мелкозубый ухмыляющийся рот.

Можно было подумать, что Маркиза спряталась в матрасе, среди пружин и набивки. Затаилась там, ждет, пока хозяин отвернется, чтобы игриво цапнуть за ногу. Но с каких это пор кошки научились расстегивать молнии? Что ей вообще делать там, в такую-то жару? Нет, свою кошку Женька знал как облупленную. Да чтобы Маркиза, которая и в квартиру-то заходит только отоспаться, добровольно втиснулась в матрас? А если не добровольно, то...

Женька отпрянул и шлепнулся на задницу. Загорелые предплечья покрылись гусиной кожей. Новыми красками заиграли недавние мысли. Затаилась там, ждет, пока хозяин отвернется, чтобы... И сны еще эти жуткие, тревожные, которые никак не вспомнить...

Женька упрямо замотал головой. Ему тринадцать лет, на дворе белый день, а он сидит перед пустой кроватью и гре-

мит коленками! Еще чего! Он решительно дернул безжизненный хвост и почти не удивился, когда тот остался в руке. Женька с омерзением бросил огрызок на ковер. Ладони перепачкала дурно пахнущая коричневая жижа, но было не до чистоплюйства. Сердце замерло, когда он с болезненным любопытством раздвинул края чехла.

Черт его знает, что он ожидал там увидеть: экзотическую змею – пожирательницу кошек, черную дыру или смертоносный капкан? Женька растягивал края, боясь приближать к щели лицо, потому что ведь так все и происходит в фильмах ужасов. Именно так, когда суешь свою хлеборезку куда не следует. Батя постоянно твердит – не суй руки туда, куда собака свой хрен не сует. Но все же, все же так темно там, и ничего не видать, и щель слишком узкая... Он придвигался, хотя руки подрагивали от сладковатой жути, а затылок леденил несуществующий сквозняк.

Вот, кажется, что-то... Нет, темно. Странно, ни пружин, ни слоев набивки, лишь густая чернота и золотистая пыль, бликующая на солнце. Но какие-то контуры... Да, точно, что-то гладкое шевельнулось там, внутри. Страх волной мурашек прокатился вдоль позвоночника. Может, и впрямь змея? Рука сама потянулась в карман, за ножом, но тут это гладкое, едва различимое, подалось вперед, на миг став явным, почти реальным, и Женька, выпустив чехол, отпрыгнул к окну.

К горлу подкатила тошнота, и запах, этот еле слышный

запах тления, сразу стал вездесущим, проникающим, и сон, кошмар про гору немертвой плоти, вспомнился в мельчайших подробностях. С бешено колотящимся сердцем, вцепившись пальцами в подоконник, Женька жался к холодной батарее. Шпарило солнце, за двором, на проезжей части, гудели машины. В соседнем доме скрипнула петлями подъездная дверь и зазвенел тонкий детский смех.

Перед глазами маячила синюшная ступня, ворочающаяся в темноте, как могильный червяк.

* * *

Удивить отца было практически невозможно, но Женьке удалось. Сбивчиво пересказав все, что с ним произошло, Женька ожидал чего угодно – отборного мата, недоверчивого смеха, выволочки за то, что выдумывает всякую чепуху. А батя просто сказал:

– Иди на улицу, жди меня...

– Уже...

– В квартиру не суйся. Я скоро.

В редкой тени тополя было едва ли сильно прохладнее, чем на солнцепеке, но Женьку потряхивала мелкая дрожь. Уверенный голос отца немного успокоил, вернул в чувство. Прислонившись к шершавой коре, Женька пытался разглядеть, что творится в окне его комнаты. Угол обзора был неудачный, но отходить от дерева он не решался, боялся,

что не удержат дрожащие ноги. Еще он никак не мог вспомнить, закрыл ли дверь во время постыдного панического бегства. От этой мысли становилось совсем не по себе. Что, если мертвяк уже не в квартире, а в подъезде? Как раз сейчас подходит к тамбуру, чтобы вывалиться на улицу и поковылять за ним, стирая о наждак асфальта гниющие стопы. Или поймал кого-нибудь из девочек Ильиных с третьего этажа...

Отец действительно подъехал быстро. Женьке стало немного легче: значит, действительно переживает, значит, поверил. Не в характере отца было уходить с работы пораньше и тем более мчать домой на такси. Женька едва дождался, когда отец расплатится и вылезет из салона. Бросился ему на шею, чего не делал, наверное, лет с восьми. А может, еще раньше, с тех пор, как не стало мамы. Батя на удивление не отстранился, а обнял крепко, как после долгой разлуки.

– Ну, это, малой, хорош тискаться. Не барышня, ё-моё, – пряча смущение, строго сказал он. – Пошли, разберемся, что там у тебя за хрень случилась.

На этаж Женька поднимался с тяжелым сердцем и ватными ногами. То еще сочетание. Отец же, напротив, взлетел по ступенькам вихрем. От него во все стороны перла лихая недобрая удаль. Женька никогда прежде не видел отца таким.

Возле двери отец остановился и, вынув из кармана выкидуху, деловито щелкнул лезвием. Знаками велел отпереть замок. Как только щелкнула собачка, бесшумно скользнул

внутри. Долгих шестьдесят секунд Женька стоял в подъезде, сжимая в кармане нож, не зная, идти ли следом, или на всякий случай спуститься на пролет ниже. Много ли времени надо, чтобы проверить двухкомнатную хрущевку? Минута? Три минуты? Наконец, на шестьдесят восьмом ударе, в коридоре показался озадаченный отец. В одной руке он держал кошачий хвост, в другой – тускло блестело лезвие выкидухи. Отец кивком велел заходить и запер дверь. Женька понуро поплелся в свою комнату.

– Так, малой, а теперь рассказывай.

В голосе отца по-прежнему не было злости или раздражения. Проклевывались тщательно скрываемые нотки беспокойства, неслыханные ранее, в обычной жизни такие же редкие, как настоящее золото у цыганки-торговки. Положив синюю от наколок пятерню на плечо сыну, отец требовательно сверлил его колючими серыми глазами. Из них на Женьку глядело до слез обидное недоверие. От досады защипало в носу, а глаза набухли от влаги – полслова всего, и лопнут, потекут солеными дорожками. Но батя, какой-то на редкость чуткий сегодня, упредил.

– Всё тип-топ, Женька, всё тип-топ. Только не ной давай, а рассказывай, лады? Ты не бойся, я все пойму. У маманьки твоей, земля пухом, еще похлеще заходы были, так что ты говори, говори...

Все шло как-то не так. Вопреки яркому солнцу, комната давила нездешним сумраком. Чувство тревоги никуда не

делось, даже усилилось. И еще отец... Сердобольные соседи позаботились, чтобы Женька знал, что мать его умерла в психушке, когда ему самому было года три от роду. В их маленькой семье не принято было вспоминать об этом. Батя, ни к селу ни к городу вспомнивший маму, пугал Женьку едва ли не сильнее, чем чертовщина с матрасом.

– Па, ты чего? – Затылок съезжился, топорща короткие волосы.

– Ну, – отец замялся, – ты не бойся, главное. Я ж не чужой человек, мне можно сказать. Ты ж не просто так меня позвал, так что говори смело, лады?

– Что говорить? – не понял Женька.

Вместо ответа батя ткнул ножом за спинку кровати. На ковре, распустив темно-красную лужу, лежала изувеченная кошачья тушка. Не обглоданная, не загрызенная – переломанная. Из всех костей уцелел один череп, на котором застыли выпученные остекленевшие глаза и неровный оскал зубных осколков. Тело – вдавленная грудная клетка, вывернутые суставы, расплющенный крестец. Отец присел на корточки, опуская на трупик оторванный хвост. Он старался двигаться медленно, видимо, боясь напугать сына, но достигал ровно противоположного эффекта.

– Это ничего, Женек, это нормально, – чудовищно спокойный голос отца леденил нутро, заставлял выбивать зубами постыдную дробь. – Я маманьку твою тоже на кошках тренировал. С чего-то надо начинать, верно? Только она их не

мучила, нет! Разом – вж-жих! – горло перехватит и смотрит, как та по комнате носится, когтями шкрябает. Бардак – страшный! А она стоит, глазками сверкает – вот прям как ты сейчас. Мечтательная такая, красива-а-я – страсть!

Он и сам замечтался, этот человек, за считанные секунды ставший чужим. Серые глаза затянул туман воспоминаний, скрыв на время извечную колючую подозрительность. Опасный безумец с ножом – вот кем он стал. Женька вглядывался в знакомые черты и не узнавал их. Вслушивался в хрипловатый голос, с теплотой и ностальгией вещающий о безумном, отвратительном, кровавом, и не мог понять, кому он принадлежит. Какой-то злобный пришелец из темных глубин космоса, жестокий инопланетный разум поработил его отца – чем еще объяснить такое?

...кап-кап, по капле – кап, плещет у самого края...

– ...маманька твоя сильно артачилась. Жмуров мне прятать помогала, пилила там, мешки сбрасывала, а сама – ни-ни! Я даже думал, что кошек она режет, потому что боится... ну, знаешь, чтобы мне угодить. Я ей как-то пригрозил, что тебя порешу. Только тогда сдалась. Уж очень она тебя, Женька, любила! Больше жизни...

Доски подоконника ткнули Женьку в поясницу. Второй раз за день он вжался в них, пытаясь то ли просочиться на улицу, то ли отрезвить себя, болью прогнать жуткое наваждение. Отец, заметив, чуть подался вперед, успокаивающе протянул руку.

– Тише-тише, малой! Ты не бойся! Я же так, припугнул просто! Иначе она бы ни за что сама не решилась. Упертая была, маманька твоя, земля пухом. А чего упиралась? Жажда крови, она ведь в каждом человеке сидит, в каждом, Женька. Надо только помочь чуток, выпустить, а дальше она сама разрастется. Надо просто подтолкнуть. Но тебя бы я и пальцем не тронул, клянусь! Не бойся!

...ш-ух-шшух, ш-ух-ш-ух – неслышно падают соломинки...

Татуированная рука перевернулась, обнажив чистую ладонь, рассеченную глубокими линиями. Но Женька все вдавливал мокрую от ледяного пота спину в обожженный солнцем подоконник. Он боялся превращения отца, боялся подменившего его оборотня, но не настолько, чтобы примерзнуть к месту. Он бы ударил, рванулся, попытался убежать, но не мог пошевелиться, видя, как за отцовской спиной ходит волнами, вспучивается матрас. Ссохшаяся кисть выглядывала из распахнутой молнии. Пальцы с ломаными расслоившимися ногтями ощупывали кровать, толкали воздух, точно упираясь в упругий невидимый барьер.

– Ты ведь мой. Кровь от крови мой, Женька. Когда вас с маманькой из роддома забирал, она мне тебя в руки сунула, а я ж даже не знал, что с тобой делать. – Отец виновато улыбнулся. – А потом глянул в твои глаза – как в зеркало посмотрел, вот ей-богу! Я уже тогда понял, что это в тебе сидит, как во мне, на самой поверхности. Все думал, все

эти годы думал, как же это из тебя выпустить? Подталкивал так, чтобы осторожно. Я ведь боялся, Женька, очень боялся, понимаешь? Маманька твоя, уж на что кремень-баба, а сам знаешь, не выдержала... А ты – сам! Сам!

Отец одобрительно покосился на дохлую Маркизу. В его голосе звенело такое удовольствие, такая гордость, что Женьку замутило от страха. Он жил с ним бок о бок тринадцать лет. В одной квартире. Завтракал. Разговаривал. Смотрел Кубок мира. Каждую ночь засыпал под одной крышей с монстром. Отец учил его драться, учил владеть ножом. Для чего? Для чего?!

Матрас за спиной оборотня с лицом отца вздувался. Капелька страха, соломинка страха, одно крохотное нажатие – и реальность не выдержит.

...еще один сон, еще один только страшный сон, еще один кошмар, и кто мог знать, что ты увидишь его наяву...

Дикая паника поднялась с самого дна оледеневшего от ужаса нутра. Она взлетела освобожденной птицей, пробила скукожившиеся легкие, замершее сердце и, ободрав перья о стиснутые зубы, расшиблась, вывалилась наружу еле слышным шепотом. Матрас как губка впитал весь Женькин страх до последней капли. Мертвая рука надавила, натягивая невидимую мембрану до предела...

И реальность порвалась.

Бесшумно лопнул гигантский воздушный шарик. От этого не-звука что-то щелкнуло в Женькином ухе, и по щеке, по

шее, побежало горячее, влажное. Две тонкие красные струйки выползли из отцовских ноздрей. Отец удивленно провел пальцами по губам, размазывая кровь как помаду. За его спиной, изломанными паучьими движениями выбираясь в наш мир, выростала тощая смерть.

Кажется, отец хотел обернуться. Остекленевший взгляд сына всколыхнул в нем давно забытое чувство опасности. Он даже начал поворачивать голову, когда скрюченные пальцы впились в его глазницы. Застать отца врасплох не вышло. Нож вошел в гнилую переносицу мертвяка и с чавканьем вылез обратно. С запозданием пришла невыносимая боль, и отец закричал.

Выпавший нож, пробив ковер, глухо вонзился в доски пола. Слепленный, отец забился в тонких, кожа да кости, руках, наделенных невероятной силой. Мертвяк опустил безносое рыло к его шее и с силой рванул обломками зубов, разукрасив обои фонтаном артериальной крови. В это краткое мгновение Женька разглядел сгнившее лицо и узнал его... узнал ее, хотя прежде видел только на фотографиях. Оглохший от криков, он смотрел, как его мертвая мать пожирает его же, пока еще живого, отца.

Скованное страхом нутро наконец оттаяло. Женька шагнул вперед, неожиданно твердой рукой ухватив выкидуху. Руки все сделали сами, без участия мозга, как учил отец. Рукоятка ножа задрожала в отцовской груди. Женька и сам не знал, чего было больше в этом жесте – ненависти или

милосердия, но теперь понял, что упустил свой единственный шанс выбраться из комнаты. Мертвяк разочарованно выпустил жертву и предстал перед Женькой в полный рост – ребристая гадина с иссохшими мешочками груди и раздувшимся животом.

Приглушенные беспокойные крики летели из-за стен, проникали в распахнутое окно. Кто-то ожесточенно забарабанил в дверь. Звонок надрывался дребезжа на одной резкой ноте. Шаркая ногами, мертвяк переступил через окровавленное тело. Скрюченные пальцы тянулись вперед, роняя с ногтей красные капли. В раскрытой черной пасти, среди обломков зубов, бился напитавшийся чужой кровью язык – не мертвый, нормальный. И почему-то именно он напугал Женьку до крика, до безумного вопля. Напугал до последнего довода.

Сгореть или разбиться – кто-то считает, что можно выбрать. Разбиться или быть сожженным заживо? Для Женьки вопрос даже не стоял. Он вскочил на подоконник и в один прыжок, покуда хватало храбрости, сиганул в окно. Этим путем покойная Маркиза тысячи раз возвращалась с улицы домой и так же уходила гулять. Один прыжок, одно напряжение мышц, которое перенесет с подоконника на ветку тополя. Одна беда: подросток весит гораздо больше кошки.

Треск сломанного дерева отозвался в поврежденных перепонках ружейным выстрелом, и Женька, не успев даже толком испугаться, спиной вниз полетел на твердый как камень

газон. Сверху, глядя ему в лицо, смеялось злое солнце.

* * *

Тяжелые плотные шторы с шумом отъехали в сторону. От яркого солнца, хлынувшего в комнату, Женька зажмурился, часто моргая пересохшими веками. Тетка Кира одарила его своим обычным взглядом, в котором жалость тесно мешалась со страхом, и бодрой скороговоркой выпалила:

– Просыпайся, просыпайся, соня! Нельзя до обеда спать! Сегодня хороший день, особенный день!

Она ударением подчеркнула всю невероятную особенность сегодняшнего дня, который, по мнению Женьки, был таким же дерьмовым, как все предыдущие. Тетка Кира была двоюродной сестрой его отца и последней более-менее близкой родственницей. Пока тянулось следствие, а газеты и телевидение смаковали подробности, Кира вертелась в центре внимания, раздавала интервью, фотографировалась, раз даже ездила на Первый канал, к Малахову, обсуждать тему допустимой самообороны. Женька видел эту передачу еще в больнице – тупой треп с длиннющими вставками бессмысленной рекламы. Смотрел и до слез жалел, что не может переключить канал или зажать уши. Только веки еще слушались Женьку, и он с благодарностью опускал их.

Когда страсти улеглись, тетка Кира оформила опеку, но так и не забрала племянника к себе. Оно и понятно, мало

найдется отчаянных людей, готовых приютить отцеубийцу. Да, самооборона, тут у следствия вопросов не было. Коллекция фотографий, найденная в тайнике отцовской комнаты, не оставляла места для двойных толкований. Но труп мужчины с ножом в груди, на рукоятке ножа отпечатки пальцев, а носитель пальчиков – вон он, на газоне валяется. Дело закрыто! Женька видел те фотографии. Дорого бы дал, чтобы не видеть, но следователи не сразу поверили в его паралич и пару дней настойчиво допытывались, «что он может сказать по этому поводу».

Отцеубийца, паралитик и, как будто этого мало, сын психопатов. Кому нужно такое счастье? Поэтому Женька обитал в дурке, а тетка Кира – в двухкомнатной сталинке в центре города, исправно получая его пособие. Женька считал, что так даже лучше. После передачи у Малахова он скорее предпочел бы жить в змеиной норе, чем в квартире доброй тетушки. Но два дня назад Кира приехала за ним, подписала все документы, забрала его и привезла к себе. Даже грузчиков наняла, до этажа поднять. Это тетя Кира, которая прижимистее отца!

Как всегда, при воспоминаниях об отце защипало в носу. Женька все знал – парализованный ведь не глухой. Ему популярно объяснили, кто убил отца и почему. Он сам и убил, как сказал следователь, «в состоянии аффекта». И вырванные куски мяса на трупе, и дохлую кошку, и самоубийственный прыжок с четвертого этажа – всё-всё объяснили. Жень-

ка не верил. Но противопоставить что-то, даже просто сказать слово в свою защиту – не мог. А теперь, спустя почти год, уже и не хотел.

Скрипнула дверь. Снова раздался визгливый голос Кирры. Оказывается, она куда-то уходила, а теперь лопочет про какой-то сюрприз, про «чудо-чудо, кто бы мог подумать». Женьке было неинтересно и хотелось, чтобы она поскорее ушла, но тетка, как назойливая муха, полезла прямо в лицо.

– Женечка, миленький, – проворковала она, нагнувшись, – к тебе гости!

Донельзя довольная собой, она развернула кресло-каталку и присела рядом на корточки. В дверях стояли двое, мужчина и женщина. Солнце освещало их лица, неестественно живые и румяные. При виде их у Женьки мелко затряслась нижняя губа. С подбородка свесилась нитка тягучей слюны.

– Что, Женечка, не узнаешь? Не знаешь, кто это? Конечно, не узнаешь! – блаженным идиотским тоном сюсюкала Кира. – Это твоя мамочка, Женя! Твоя родная мамочка!

Мать пересекла комнату и остановилась напротив каталки. От нее пахло фиалками, солнечным светом и разложением. Ее силуэт дернулся, поплыл, и Женька понял, что плачет, беззвучно ревет от страха. Тонкая холеная рука с дорогим маникюром провела по Женькиной щеке, и он, ничего не чувствуя, все же ощутил ее смертельный холод.

– Ну-ну, не плачь, дорогой, не плачь! Жива твоя мамочка, жива – растроганная Кира и сама едва не рыдала. – Отец

специально соврал, что она в больнице умерла. К тебе пускать не хотел. Он ведь даже мне не сказал! А она живая, оказывается! Вот счастье-то, да?!

– Здравствуй, Женя.

Голос у мамы оказался хриплый, прокуренный. Так могла бы каркать ворона с железным клювом. Она присела на корточки, обдав Женьку еле уловимым ароматом гнилого мяса и тухлой крови.

– Познакомься. – Она кивнула на мужчину у двери. – Это дядя Витя. Мы живем... – она запнулась, обкатывая непривычное слово. – Теперь живем... Мы живем вместе.

Бородатый крепыш добродушно ослабился, махнул могучей пятерней вместо приветствия. Тот самый, продавец кровати. Женька почувствовал, как в глубине изломанного тела зарождается, бурлит, точно зреющий вулкан, крик дикого невыносимого ужаса. Он закричал что было мочи, вложил все силы в этот вопль...

Но лишь замычал невнятно, разбрызгивая слюну по щекам и подбородку.

– Обрадовался! – с видом знатока улыбнулась тетка Кира и ласково взлохматила племяннику волосы.

Чистые руки

– Кровь не дерьмо, – бывало, говорил Денису Папаша. – Так-то тоже физиология, но благороднее, и пахнет не в пример приятней. Это тебе не сперму с диванов оттирать и не очки драить. У нас с тобой, Деня, клининг высшего порядка.

Папаша начинал бизнес в девяностые и млеял от забугорных словечек. Дворники, ассенизаторы, уборщики – это всё тупорогие совки, а Папаша с Деней – клининг-менеджеры фирмы «Чистые руки». Клиентуре нравилось. Клиентура тоже начинала в девяностые и знала цену уместным понтам. А цена Папашиних понтов была по карману далеко не каждому.

В мелочах Папаша лукавил, приходилось им убирать и сперму, и дерьмо, и рвоту, но в глобальном смысле был прав. Кровь была жизненной силой их маленького сверхприбыльного бизнеса. Билась в его венах, гоняла сердце, смазывала скрипучие шестеренки. Чужая кровь. Много чужой крови.

На зеркале в прихожей растянулся отпечаток ладони. Длинноворсный ковер в гостиной, похожий на шкуру снежного человека, багровел влажными кляксами. Следы босых ног разбежались по всему дому. Поначалу яркие, насыщенные, шагов через десять они бледнели, истончались, еще через десять исчезали вовсе. Для невооруженного взгляда. Эксперт с нужными реагентами и оборудованием разговорит

даже многократно замытую кровь.

Когда работы непочатый край, начинать нужно с простого. Денис присел на корточки, ловко скрутил ковер в рулон, уложил на загодя расстеленный полиэтилен. Подсохшие пятна на ламинате топорщились выдранными белыми волосками. Денис щедро обрызгал их из пульверизатора, пусть отмокают. Прошелся губкой по резному журнальному столику. Тщательно осмотрев диван, срезал кусок кожи, сантиметров двадцать на двадцать, и вытащил из-под него набивку, мало ли.

Завтра утром в особняк зайдет бригада молчаливых таджиков, и диван, а с ним вместе столик, ламинат и много чего еще – Денис составит обстоятельный список – отправятся на городскую свалку. К вечеру от них останется только зола, да и ту вскорости растащит ветер. А через пару дней любой легавый, обладай он хоть рентгеновским зрением, хоть собачьим нюхом, найдет здесь шиш. Потому что это будут уже совсем другие комнаты. «Чистые руки» готовили дом к ремонту. При виде кровавых пятен даже у самых молчаливых строителей порой пререзается голос.

Замывать пол пришлось до раннего рассвета. Резкая аммиачная вонь, казалось, проникала даже сквозь фильтры респиратора. Денис выходил на улицу, проветрить потеющее под маской лицо, и видел, как розовеет молочная дымка, затопившая мир за высокой кованой оградой. Пока Денис досмаливал сигарету, во двор, с фырканием стряхивая остат-

ки тумана, вплыла Папашина «газель». Цельнометаллический кузов сочился алым, на крыше поскрипывали пружины, раскачивая две мультяшные ладони в белоснежных перчатках. Папаше нравились прозрачные намеки для посвященных. Был и другой смысл в такой узнаваемой машине – все окрестные гайцы хорошо ее знали и тормозили, разве только чтобы сфотографироваться на фоне.

Припарковав «газель» задом к крыльцу, Папаша спрыгнул на мощеную дорожку. Двигался он резво, как горный козлик, и на свои шестьдесят с коротким хвостиком тянул разве что лысиной, которую безжалостно скоблил каждое утро опасной бритвой. Отсутствие волос Папаша компенсировал окладистой купеческой бородой, а отсутствие молодости джинсами «Levi's» и рубашками в крупную красную клетку.

– На заявке задержался, – буркнул он вместо приветствия.

Руки не подал. Когда работаешь с кровью, быстро учишься сводить все контакты к минимуму. Врет же, мерин старый, подумал Денис. Под ноздрями усы Папаша подозрительно белели. Вряд ли в четвертом часу утра он решил поесть сахарной пудры. Третье опоздание подряд! Этак совсем сторчится старикан...

– Клиент?

– В ванной. Не смотрел еще.

Денис ткнул сигарету в стену, оставив на белой штукатурке уродливую черную запятую. Окурок аккуратно спрятал на

самое дно кармана комбинезона.

– Пилить надо?

– Да откуда я знаю? – раздраженно фыркнул Денис. – Говорю, не смотрел. Времени не было.

– Ладно, ладно, не ершись. – Папаша примирительно выставил перед собой большие плоские ладони. – Ты свое отпахал, клиентом я займусь.

Он споро натянул комбинезон, цапнул чемоданчик с электропилой и скрылся в доме. Денис постоял с минуту – рука в кармане раздраженно крошила окурок. Он был в своем праве, Папаша сам предложил мировую, но «клининг высшего порядка» подразумевал командную работу. Денис мысленно сплюнул и поплелся за начальником.

* * *

Она не была красивой или даже миленькой. Гадкий утенок с кривыми зубами, широким жабьим ртом, разорванным слева до самой скулы, приплюснутым носом и огромными ушами. Тощие ноги сплошь в синяках, коленки в ссадинах. Чернобровая, черноволосая, черноглазая, по-цыгански смуглая. Горло – распахнутая рана. На руках, чуть выше сгибов, синеющих гематомами от уколов, глубокие порезы. Две страшные дыры в животе, одна в солнечном сплетении. И еще одна в сердце, прямо под неоформившейся грудью. Девчонке едва ли было больше десяти лет.

Денис нависал над ванной, впервые за восемь лет работы в «Чистых руках» не зная, что делать. Где-то в другой вселенной грохотал голос Папаша, радостный, что пилить не придется, *да у нее ж вес цыплячий зря вообще пилу тащили такую в сумке можно вынести в нормальный мешок таких три штуки...* стоял и думал, откуда в этом тщедушном тельце столько крови. Откуда. По всему дому.

– Деня, соберись! – одернул его Папаша. – Понимаю, умотался в одно жало такие объемы поднимать. За мной косяк. Тока сейчас давай-ка дело сделаем, а за косяк мы с тобой позже перетрем, ага? На нас люди надеются, Деня! Уповают как на Господа, мать его, Бога! Так что давай-ка, давай-ка... вот тэ-эк!

Направляемое руками Папаша, тело скользнуло в объятия черного полиэтилена. Денис вздрогнул, когда голова девочки с глухим стуком ударилась о дно ванны. Люди? Папаша сказал, это люди сделали такое с ребенком? Рассерженным шершнем зажужжала молния.

– Взяли... Деня, не спи! Взяли, говорю!

Будь девчонка живой, он мог бы с легкостью тащить ее один, но мертвое тело налилось иррациональной чугунной тяжестью. Денис с трудом удерживал скользкие ручки мешка и делал вид, что не замечает косые взгляды Папаша. Восемь лет! Мужчины и женщины, чаще женщины, конечно, шлюхой работать опасно для жизни и здоровья... но ребенок? Ни разу за восемь лет...

У машины Папаша, похоже, что-то сообразил, потому что самостоятельно затолкал клиента в бочку.

– Ты покури пока, – приказал он. – Я ванную затру, потом к Михалычу, и свободен.

Прихватив пульверизатор, Папаша исчез за массивными дверями особняка. Денис прислонился к округлому боку «газели» и закурил. Пальцы потряхивало. Он заглянул в боковое зеркало – оттуда на него уставился бледный, давно не бритый субъект с широкими залысинами. Левое веко мелко дергалось. Так вот с чего Папаша такой заботливый...

Двухчасовая поездка к Михалычу превратилась в мучительную пытку. Алая «газель» с веселыми мультяшными ладошками плелась, не превышая разрешенные девяносто в час, и серое росистое утро плыло за ней следом. Денис пытался заснуть, привалившись разгоряченным лбом к прохладному стеклу, но близость мертвеца, запрятанного в бочку из-под химикатов, тревожила, выморачивала. Так гадко на душе не было даже в самый первый раз, когда они с Папашей, тогда еще не растерявшим остатки волос, везли к Михалычу удушенную двадцатилетнюю проститутку.

Вертя руль, Папаша шмыгал носом, ерзал, подпрыгивал, беспрестанно смолил сигареты с ароматом шоколада, а раз даже – хотя Денис не был уверен, – отвернувшись, украдкой занюхал кокс. Это напрягало, и на полпути Денис предложил поменяться местами, в чем тут же раскаялся. Хуже Папаши-водителя был только Папаша-пассажир. Страдая от

вынужденного безделья, переживающий совсем другие скорости, он принялся травить байки, вспоминая всех утилизированных жмурав. Удивительно, но Папаша, бывший в бизнесе лет на десять дольше Дениса, тоже впервые прибирал ребенка.

– ...это в столицах извращенец на извращенце, а в нашем медвежьем углу такой херней не маются. У нас всё по канону, как природа завещала, по понятиям всё. Не, ну бывают перекосы, ага. Помнишь того мужика, ну что пацанов из «речнухи» богатым москвичам подсовывал? Так ведь – опять же! – москвичам, понял, да?! А этот, клиент наш, он же из Питера к нам приехал, а до того вообще в Лондоне жил три года. Там же, Деня, за бугром, там же вообще Содом и Гоморра, понял, да?! Не, как хочешь, но большие города людей портят. А большие города с большими деньгами – так вообще в говно превращают...

Сегодня его болтовня отчего-то страшно утомляла. До белых костяшек вцепившись в руль, Денис смотрел на мелькающую разметку, и в скрипучем голосе Папаши чудился ему стрекот восьмимиллиметровой киноплёнки. Придурочный артхаусный фильм, в котором все не то, чем кажется, а всякий образ исполнен двойного псевдосмысла. Он потянулся к проигрывателю, поймал «Максимум» и выкрутил ручку на полную громкость, утопив Папашин треп в гремучем тяжёлом роке.

Вотчина Михалыча дала знать о себе заранее. Не доезжая до сторожки, Денис задраил окна и натянул на нос бандану. Папаша на вонь не реагировал. Сидел, растянув узкие губы в улыбке, вонзая стеклянные глаза в горбатый горизонт, густо ошетилившийся елками. Там, зажатая между лесистыми холмами, гнойным фурункулом разрасталась свалка.

Михалыч встретил их у поднятого шлагбаума – древний страж, Харон, переправляющий мертвецов через Стикс. Только перевозил Михалыч, не в пример легендарному лодочнику, не за пару медяков. Вся несметная родня морщинистого, похожего на гриб старика была обеспечена по высшему разряду. Элитные квартиры и дома, престижные вузы, дорогие тачки – все то, чего, казалось бы, не купишь на зарплату сторожа свалки.

Кряхтя, Михалыч подсел к Папаше и махнул рукой – прямо, дескать. Следуя его указаниям, лавируя между мусорными горами, Денис едва сдерживался, чтобы не утопить педаль в пол. Хотелось поскорее отделаться от тяжелого бремени, тревожащего жизненный уклад, казавшийся незыблемым. Старики привычно ворчали, вяло кроя матом правительство, страну, дороги, осточертевшую работу и друг друга.

Петляли минут десять. Денис постоянно поражался мас-

штабам полигона и своей неспособности за столько лет запомнить дорогу. Свалка казалась организмом, живым, переменчивым. Огромным существом с грязной свалывшейся шкурой. Толстый ноготь Михалыча, безобразно отросший и пожелтевший, всякий раз чертил в воздухе новую карту, а навигатор «Газели» пасовал, отмечая очередную точку. Так и сегодня.

– Приехали, – топнул Михалыч и спрыгнул на землю еще до того, как заглох двигатель. – Только шустро давайте. По «Маяку» к полудню грозу обещали, а они нервные, перед грозой-то.

Но Денис и так уже выкатывал непривычно легкую бочку, а Папаша, разом отрезвевший, принимал ее снизу, обшаривая залежи мусора подозрительными взглядами. Михалыч посмеивался, но глаза его оставались напряженными, цепкими, а правая рука не покидала внутреннего кармана.

Закусив измочаленный сигаретный фильтр, Папаша опрокинул бочку, а Денис за края выволок мешок наружу. Замаялся над молнией, и Папаша оттер его в сторону, кивнув на машину. Михалыч уже сидел внутри, нервно постукивая пальцами по приборной панели. Денис поспешно запрыгнул в кабину. За спиной вжикнула молния. От гниющих мусорных куч покатилося еле слышное шебуршание.

– Давай-ка, Деня, ходу! – велел Папаша. – И музыку свою погромче врубай.

Дважды повторять не пришлось. Автомобиль рванул с ме-

ста так, что из-под колес полетели комья скользкой вонючей каши, бывшей некогда землей. В динамиках надрывался Мэрилин Мэнсон, и голос шок-рокера выжигал все прочие звуки. Папаша и Михалыч откинулись на сиденье, на пальцах выясняя, кто больше зассал. На выезде с пяточка Денис не удержался, бросил быстрый взгляд в боковое зеркало и тут же, до скрипа сжав зубы, вновь вцепился глазами в дорогу. Серебристый мешок дергался и подпрыгивал, окутанный живым серым морем, льющимся с мусорных гор. На секунду над ним вскинулась узкая детская ладонь, коротко взмахнула в воздухе и тут же исчезла вновь.

То ли попрощалась, то ли пригрозила.

* * *

Двухэтажный коттедж Дениса был иной вселенной – женской. Таня – ухоженная, залакированная, как с глянцевой картинки, Оля и Юля – все сплошь из косичек и разбитых коленок, Бася – серая точеная невозмутимая сиамочка. Всюду чистота, блеск и приятный запах, Таня опять настряпала каких-то умопомрачительно сложных блюд. Только в гостиной на ковре разбросаны фломастеры и раскраски с феями Винкс.

А Денису раздирал ноздри вездесущий нашатырь вперемешку со свалочной вонью. Он смотрел на ссадины на ногах дочек, а видел разбитые коленки безымянной цыганки.

И крылья феи в раскраске, так густо замалеванные красным, что еще штришок – и потечет, польется... И еще Бася, вопреки всему похожая на огромную крысу... Да что же это, а?

– Накатамалес, – сказала Таня.

– А? – не понял Денис.

– Это накатамалес, никарагуанское блюдо. Я с семи утра на кухне!

Голос жены звенел нескрываемой гордостью. Денис с удивлением поковырялся вилкой в гастрономической феерии, разложенной на потемневшем банановом листе. Какая-то лепешка, лук, рис, мясо... Слюнки должны бежать от одного только вида, а ему кусок в горло не идет. От тарелки поднимался едкий запах нашатыря. Денис отложил вилку и отодвинулся от стола.

– Папочке не понравилось? – засуетилась жена.

Она натурально расстроилась, оттопырила пухлые губки, захлопала ресницами. Дурочка, блондинка, но любимая до щемящей боли в усталом сердце. Подошла Оля, серьезная и деловая, как все двенадцатилетки.

– Па, ты почему не ешь? Мама с утра у плиты как пчелка! Такой вкуснятины наготовила! Надо уважать чужой труд, ты сам говорил!

Оля характерным жестом поправила очки. Денису вдруг стало страшно за нее, так страшно, что пустой желудок порос мохнатым инеем в два пальца толщиной. Он сгреб дочь в охапку, сжал крепко-крепко, несмотря на протестующий

визг и хохот. На помощь сестре с воплем прибежала Юля, замолотила отца маленькими кулачками. Денис обнял и ее, уткнулся носом в острую ключицу и зафыркал по-ежиному, вызвав новый взрыв хохота.

– Девочки мои, папа сейчас ни петь, ни вышивать, – когда все немного успокоились, извиняясь, сказал он. – Даже жую через силу. Тань, не обижайся, ладно?

– Да ладно, чего там, – сказала Таня.

Хотя по тону было понятно – еще как «чего». Денис улыбнулся жене вымученной, беззащитной улыбкой. Ему в самом деле хотелось упасть в кровать и проспаться до зимы. Это все недосып, нашатырь и чертова гроза. Михалыч сказал, обещали к полудню, но уже обед, а тучи всё бегают по небу отарой перепуганных овец в ожидании серого волка.

– Па, тебе поспать нужно. – Оля вновь поправила очки. – На тебе лица нет. Пап?

– Па-а? – присоединилась Юля.

– Денис, ты чего? – Таня потерела его за плечо.

– А? – Денис ощутил себя ныряльщиком, всплывающим на поверхность. – Не, Тань, всё в порядке. Я пойду прилягу в самом деле...

Он поковылял на второй этаж, в спальню. Из головы все не шел красный след от фломастера, разделивший Юлино горло на две неравные части.

Опоздавшая гроза заявила в полночь. Как подвыпивший дебошир, она нетерпеливо стучала в окна, барабанила по жестяным свесам, сердито гроыхала неразборчивой матерной руганью. Денис проснулся от яркой вспышки, плеснувшей в спальню холодного безжизненного света. На сетчатке отпечатались негатив комнаты – плотные шторы, шкаф-великан, приплюснутый комод, спящая рядом Таня, спинка кровати и прилипший к ней силуэт – все непроницаемо-черное, будто из другого мира, в котором рисуют только углем.

Холод лизнул затылок, вздыбив короткие волосы. Денис приподнялся на локтях, не до конца проснувшись, но чувствуя опасность хребтом. Напряженные глаза вгрызались в темноту, пытаясь поймать то неправильное, невозможное, ледящее позвоночник до самого копчика. Хотелось позвать темноту по имени – Юля все еще иногда прибегала к родителям по ночам, – но уверенность, что темнота не отзовется, не отпускала. Это не Юля. И не Оля. Он узнал этот тонкий силуэт, сидящий на спинке кровати, по-лягушачьи разведя в стороны углы коленок. Узнал, хотя видел всего раз, совсем недолго.

В ногах мягко прогнулся матрас. Антрацитовый сгусток поплыл вперед, бесшумно вминая ортопедические пружины. Так могла бы идти Бася, будь она килограммов на тридцать.

цать тяжелее. Гроза притихла, точно испугавшись, перестала отблескивать молниями, и Денис был даже рад этому. Лед сковал тело. Не в силах пошевелиться, он слушал тихое дыхание жены и ждал, когда то, невидимое, подползет поближе, вплотную, где не понадобится свет молнии, чтобы разглядеть разорванный угол рта, похожий на недобрую ухмылку.

Темное пятно замаячило у самого лица, и Денис крепко зажмурился. Не хотел видеть, как из мрака соткется некрасивое детское лицо в обрамлении влажных волос. За окном беззвучно выстрелила молния. Даже сквозь сомкнутые веки он увидел ее, точь-в-точь как запомнил, в мельчайших деталях. Только разодранный рот будто стал шире, а зубы белее и длиннее. Крик Дениса потонул в запоздалом раскате грома.

Таня так и не проснулась. Перевернулась на другой бок, закинула стройную ногу на мужа, чудом не задев ночную гостью. Ее сонное тепло влилось в Дениса, дробя парализующий лед в мелкую крошку. Все еще не соображая, что происходит, он сел, вытянув перед собой дрожащую руку. Где-то там, совсем рядом, в бесконечной бездне мрака, ее нащупала узкая детская ладонь, холодная, чуть влажная – и Денис все понял. Понял – и рванул ее на себя. К жизни. Пока еще можно...

Он осторожно слез с постели, ошупью оделся. Не удержался, перед уходом поцеловал жену в шею.

– Ты куда? – сквозь сон пробормотала Таня.

– Срочный вызов, – шепнул он.

В ответ Таня нашла его руку, поцеловала костяшки пальцев. Вопросов задавать не стала. Привыкла. Денис взял с тумбочки телефон и вышел, радуясь, что не пришлось включать ночник. Рядом с ним, шлепая босыми ногами по паркету, шагала мертвая девочка.

* * *

Все оказалось проще, чем виделось. Два дня Денис потратил на сбор информации: Перепелкин Сергей, сорок шесть лет, владелец двух карьеров, живет на доходы с добычи гранита. Небедно живет, раз последние три года провел в Лондоне. На родину вернулся из-за разногласий с управляющим. Впрочем, все это было несущественно, только чтобы убить время.

Денис установил наблюдение, дождался возвращения хозяина в отремонтированный дом, накинул день сверху, после чего заявился к нему сам, выгадав время под вечер. Сложнее всего было попасть внутрь. Томительно-медленно тянулись минуты возле автоматических ворот, долгие гляделки с видеокамерой и наконец щелчок открывшегося замка. Расчет сработал верно – фургончик «Чистых рук» хорошо знали не только гаишники. Денис припарковал машину у крыльца, вихрем взлетел по лестнице.

Перепелкин, розовощекий, круглолицый, с жеманными

женскими губами, испуганно тарасился на позднего гостя. Денис скривился, поняв, что похожий на упитанного амурчика Перепелкин боится не его. Он боится *за себя*. Да и, в конце концов, кто перед ним? Клинер, обслуживающий персонал. Пусть даже высшего порядка, как говорит Папаша. С такими и здороваться необязательно.

– Что-то случилось? – выпалил Перепелкин.

– Случилось, – кивнул Денис и от души ударил ему в скулу свинцовым кастетом.

Протащить тучного Перепелкина через весь первый этаж до ванной комнаты оказалось нелегко, мышцы спины протестующе ныли. Там Денис быстро смотал его скотчем по рукам и ногам и кое-как затолкал в ванну. Комнату с видеомониторами искать не пришлось, ее расположение Денис запомнил еще в первый раз. А вот на поиск блока резервного копирования пришлось угрохать минут пятнадцать. Когда все закончится, не нужно, чтобы у кого-то появились неудобные вопросы. Оставался крохотный шанс, что копирование велось еще и охранным агентством, но тут Денис решил довериться логике. Имея такие секреты, не станешь посвящать в них кого попало.

Когда Денис вернулся, Сергей уже пришел в себя и старательно пережевывал скотч на запястьях. Он испуганно ойкнул, воровато сплевывая кусок клейкой ленты. Молчаливые минуты проходили одна за другой. Мужчины смотрели друг на друга не двигаясь, почти не дыша. Наконец Перепелкин

не выдержал.

– Чего ты хочешь?! – сипло выдавил он.

– Я – ничего.

– Хорошо... хорошо... чего хотят те, кто тебя прислал?

Меня никто не присылал, хотел ответить Денис, но понял, что это не совсем так. Она прислала его. Она просила.

– Девочка, которую мы прибирали. Помнишь ее?

– Пипетку? Конечно, помню. Такое хрен забудешь.

В его голосе не было раскаяния. Он снова боялся лишь за себя. На какую-то долю секунды из-под страха выступила сладострастная похоть – и Денис понял: именно с таким лицом эта тварь терзала маленькую цыганку.

– Да ладно, это из-за нее, что ли, весь сыр-бор? – Сергей недоверчиво скривил полные губы. – Ты серьезно? Да Лола сама же... блин, да она же сама мне ее продала! Ты чего, мужик? Из-за Пипетки?!

– Не называй ее так. – Денис до скрипа стиснул зубы.

– Че?! Мне ее продали, понимаешь ты, мститель сраный?!

Про-да-ли! – по слогам, как слабоумному, повторил Перепелкин. – Сама Лола эта, мать ее, и продала! За хорошие бабки, между прочим! Она моя вещь, понял, ты?! Потому что Пипетке и так без пяти минут могила! Ты руки ее видел, ушлепок? Или ты думаешь, это я ее на герыч посадил?

– Я же сказал, не называй ее так.

Денис посторонился, давая проход. Светодиодные лампы заморгали с частотой стробоскопа, когда она вошла в комна-

ту. По штанам Перепелкина расплзлось темное пятно. Он забился в ванне пойманной рыбиной, беззвучно разевая рот и пуча глаза. Девочка проворно вскочила на край ванны, поптичьи вцепилась в него пальцами. Обломанные ногти с отвратительным хрустом царапнули акрил. Под синей кожей гуляли острые лопатки, похожие на куцые крылья.

Денис и сам не заметил, как оказался в коридоре, подпирая дверь. Сердце нещадно колотилось о ребра, легкие страдали от невыносимого желания закурить. Из-за двери раздавались мокрые рваные звуки, точно кому-то обгладывали лицо.

* * *

Раньше Денис думал, что у них очень вместительный фургон. Им с Папашей всегда хватало пространства разойтись. Оказалось, достаточно двух бочек из-под химии и одной Лолы, чтобы в просторной машине стало тесно и неуютно.

– Заорешь – пожалеешь, – предупредил Денис.

Он резко рванул скотч, лишив Лолу большей части растительности над верхней губой. Цыганка покраснела, завращала глазами, но даже не пискнула, лишь выдохнула шумно. По рыхлым щекам покатались крупные слезы. Вообще-то здесь, в глухом лесном тупичке, можно было неспешно резать живого человека ножовкой, без страха быть услышанным: для грибников и охотников слишком близко от города, для го-

родских жителей – слишком далеко. Но Денис удовлетворенно кивнул – послушная. Жить хочет, пададь... Значит, ответит быстро. На все ответит. И за все.

– Знаешь его?

Он сунул Лоле под нос телефон с фотографией Перепелкина. Да, девчонка указала на эту жирную страшилку, да, имя подходит, но в таком деле нельзя ошибиться. Денису очень не хотелось прибирать невинного.

– Помню, помню такого! – заскулила Лола. – Клиент мой! Сережей зовут!

Крупное тело тряслось от страха. Оно чувствовало, что влипло в смертельную неприятность и не желало умирать. Перекрученные скотчем руки побелели, лишённые кровотока. Лола старательно изображала испуганную глупую тетку, но акульки глаза ее кричали правду. Я сожру тебя, говорили они Денису, дай только выпутаться, и я сожру тебя! Силища у Лолы была мужицкая. Спинка сиденья отчаянно скрипела, когда цыганка как бы невзначай подавалась вперед. Впрочем, на этот счет Денис был спокоен. Веревки в две тонны на разрыв и слона остановят.

– Клиент, значит? Что покупал?

– Порошок покупал, каждую неделю. Отпусти меня, а? – заканючила Лола. – Я тебе клянусь, я не при делах! Не знаю, какие там у тебя с ним терки, и знать не хочу... у меня только порошок покупал...

– Только порошок?

Лола энергично закивала, под шумок пробуя пути на прочность.

– А девочка? На прошлой неделе?

– Ты чего, какая девочка?! Да я... – взвилась Лола и тут же осеклась.

Когда у твоего глаза маячит серое острие клинка, поневоле предпочитаешь молчание разговорам. Денис с удивлением понял, что сжимает охотничий нож, вдавливая лезвие в толстую щеку цыганки. Нож... откуда у меня нож? – недоуменно подумал он. От Перепелкина, с задержкой подсказала скрипящая от напряжения память. Так, а у него откуда? Неужели тот самый? Неужели этот кретин не избавился от оружия, вопреки правилам? Трофейщик хренов... Последние дни плавали в молочном тумане. В этой мутной дымке изредка всплывали уродливые подробности, отвратительные факты, точно глубоководные твари, никогда не видевшие солнца, ненадолго показывались на поверхности. Денис гнал их обратно. Некоторые вещи хотелось не просто забыть – стереть.

Кто-то всхлипнул, и Денис пришел в себя. Все это время Лола сидела прямая как палка. С ее века по скуле ползла одинокая карминовая капелька. Денис поспешно спрятал нож и постучал по ближайшей бочке. Звук получился глухой, зловещий.

– Знаешь, что здесь?

Черная кучерявая копна отрицательно мотнулась вле-

во-вправо.

– Там наш общий знакомый. Сережа. Большо-ой мальчик. В одну бочку даже в разобранном виде не влез. – Денис смерил Лолу оценивающим взглядом. – Для тебя потребуется не меньше трех. Если будешь мне врать.

Со смуглого лица медленно сползла краска. Оттопыренная нижняя губа мелко затряслась. Лола затараторила, сбиваясь и глотая слова:

– Было, было! Как на духу скажу! Это он, скотина, он все! Продай девчонку, и деньги пихает! Скотина, подонок! Он это все!

– А ты, значит, не хотела? – вкрадчиво поинтересовался Денис, не узнавая собственный голос.

– Нет-нет-нет! Только он угрожать начал, сказал, что убьет и ее заберет, а ей все равно не жить уже, она же больная у меня вся была, но хоть не родная, а кровиночка... а у меня семеро по лавкам, и всем пожрать дай... а он денег сует... а она больная вся, уже давно, ей на операцию в Германии собирали...

– Стоп, стоп! Ты ей не мать, что ли – так получается?

– Нет, не мать, не мать! Но как родную любила, клянусь! Отпусти меня, а? У меня семеро по лавкам! Это Сережа все, подонок, будь он проклят, и род его, до седьмого колена! А ей все одно не жить было...

– Тихо, уймись! Не о том переживаешь.

Лола шумно шмыгнула огромным носом и обратилась в

слух.

– Мне нужна... – Денис запнулся.

Даже солгать такими словами было тяжело. Чудовищно. Будто набрать полный рот гнилой плоти и катать по небу. К счастью, Лола оказалась догадливой.

– Девочка нужна?! Помоложе?! – Она ослабилась большими коричневыми зубами.

И куда только слезы делись? Лола расслабилась, откинулась на спинку сиденья. Был торг и был предмет торга, а в этой среде она чувствовала себя лучше любого маркетолога с дипломом. Денис тяжело кивнул, подтверждая ее догадку.

– Это можно. Этого у Лолы есть, – заулыбалась цыганка. – Подберем по вкусу, по цене, по желанию.

– Она тоже будет больной? – спросил Денис.

– А надо? – живо откликнулась Лола.

– Не, не надо... Скажи, а ту... ее как звали?

– А никак не звали, – беспечно хохотнула Лола. – У меня их ватага целая, где там по именам запоминать? Такие вообще особый товар, дорогой. Редко идет, да быстро изнашивается. Ей зачем такая роскошь, как имя, если она каждый день может копыта отбросить? Имена живым нужны, мертвецам они ни к чему. А так-то Сережа Пипеткой звал. Он ее снимал три-четыре раза в месяц, на сутки, а потом вовсе выкупил.

Опасность миновала, и Лолу несло со страшной силой. Без умолку болтая, она расхваливала Денису свой товар, сетовала, что можно было и так подойти, без скотча и угроз в

лесу. А еще она предлагала ему скидку. Скидку. Как постоянному клиенту.

Дениса замутило. Он привстал, рывком сорвал крышку с бочки. В воздухе запахло нашатырем.

– Ты чего это? – Карие глаза Лолы подозрительно прищурились.

– Ничего. Ничего. Покурю пойду, – пробормотал Денис. – А вы пообщайтесь пока.

– С кем? – недоумение в голосе ненадолго перекрыло испуг.

– Сережа занял полторы бочки, – пояснил Денис, спрыгивая на траву. – Во второй еще полно места.

В край бочки вцепились синеватые пальцы с обломанными ногтями. Денис с силой захлопнул дверь, отсекая нечеловеческий визг Лолы.

* * *

В расчетах он обманулся: для Лолы хватило двух бочек. Это было странно и неправильно – замывать свой фургончик. Мультишные руки укоризненно раскачивались, пока Денис сновал туда-сюда, разделявая тучную цыганку. И еще странность – он так и не смог найти левую грудь. И сердце. Кажется, недоставало сердца.

По дороге к Михалычу Денис старался не смотреть в зеркало заднего вида, но нет-нет, а взгляд проваливался, сры-

вался в штопор, падая в изувеченный рот, перемазанный не вареньем, совсем не вареньем. В себя Денис приходил, когда машина опасно соскальзывала на обочину. Раз «газель» вывалилась на встречку, и если бы не пустая по ночному времени трасса...

Денис сбросил газ, съезжая с дороги, в бешенстве ударил ладонями по рулю. Клаксон обиженно загудел. Денис выскокил наружу, привалился к дверям спиной, лихорадочно шаря по карманам. Пока прикурил, сломал три сигареты. Наконец затянулся, до боли в легких, до кашля. Только тогда попустило.

– Ну?! Что не так?! – не оборачиваясь бросил он в темноту салона. – Ты разве не этого хотела?!

Разговаривать с призраком было странно. Разговаривать, стоя к нему спиной, вдобавок еще и глупо. Денис развернулся и чуть не заорал, с испугу выронив сигарету. Девочка прилипла к стеклу, прижалась бледными ладонями. Спутанные грязные волосы, кривая расщелина рта, тлеющие угли глаз. Она молча кричала, орала так беззвучно, так тихо вопила, что Денис не понял, как он мог быть таким глухим, таким недалеким. Ведь все, все очевидно, и действительно все не так.

Призрак отступил. Слился с темнотой, среди бочек полных и бочек пока еще пустых. Денис заложил крутой разворот и помчался в обратную сторону. Ночь только началась, была еще уйма времени, и оставался еще один.

Последний.

* * *

Папаша открыл дверь только после звонка на сотовый. Был он в одних широких семейных трусах и тапочках, но не сонный. От него несло дорогим алкоголем и шоколадными сигаретами, а бороду инеем покрывал белый порошок. В движениях, в том, как он кивнул Денису, как махнул рукой, приглашая войти, во взвинченной походке сквозила нервозность. Папаша скрылся на кухне, предоставив Денису самому закрыть дверь. Опасный, недалевидный поступок, так не свойственный осторожному Папаше. Денис придержал дверь, пропуская свою спутницу.

В Папашиних апартаментах царил бардак. Директор «Чистых рук» отрывался за повсеместный порядок у себя дома. В конце каждого месяца он заказывал клининг – нормальный клининг – и приводил свою берлогу в божеский вид. Этот долгий летний месяц только-только подбирался к своему концу, так что Денис прошел за хозяином не разуваясь. В кухне обнаружилась початая бутылка «Патрона». Папаша пододвинул гостю две относительно чистые рюмки и принялся пластать лаймы кухонным тесаком.

– Это ты хорошо зашел, – бормотал он, шмыгая носом. – Это ты правильно зашел. Очень удачно, очень, понял, да?!
– Случилось чего? – прислонившись к косяку, спросил

Денис.

– Случилось? – переспросил Папаша, выпучив глаза и едва не оттяпав себе палец. – Случилось. Ну да, случилось! Случи-лось. Случи. Лось. Лось. Бха-гха-ха-ха!

Хохот его заметался в просторной кухне, забился под потолком и быстро умер. Вид Папаша имел настолько затравленный, что не перебить никаким неискренним смехом. Не выпуская ножа, он схватил бутылку и, едва не выколов себе глаз, надолго приложился к горлышку. Скривился, вцепившись в лайм крепкими зубами. Сок брызнул во все стороны, побежал по жилистой руке с синей татуировкой грудастой русалки.

– Случилось, брат мой Деня, такое, что я... – откашливаясь, поведал он. – Я не знаю, Деня, у меня кукушечку рвет. Я вот тебе сейчас скажу, а ты решишь, что Папашу шиза накрыла, скажешь, был Папаша, да весь вышел! А я не псих, понял, да?! Но тут такие дела, такие дела, Деня... Я такое вижу, что сесть скоро начну, понял, да?!

Дрожащая ладонь нервно прошлась по лысой макушке. Подойдя вплотную, Папаша доверительно ухватил гостя под локоть. Он хотел сказать что-то еще, но тут взгляд его упал на нечто за спиной Дениса. Папаша отшатнулся, взмахом тесака прочертив перед собой границу.

– Деня! Деня! – сдавленно прохрипел он.

Расширенные зрачки стали еще шире от страха. За спиной раздались нарочито громкие шлепки маленьких босых ног.

Денис не обернулся. Неподвижный как мраморная статуя, он дождался, пока шлепки останутся рядом с ним. Стоя на четвереньках, девочка прижалась к его ноге, холодная и костлявая.

– Ах ты крыса! – с укоризной бросил Папаша, отступая на шаг.

Денис не следил специально, старался не глядеть, не видеть, но периферийное зрение отмечало, как скользнула по полу синеватая фигурка. Ровно на шаг. Замелькал тесак, со свистом рассекая воздух.

– Ну подходи, сука! – лихорадочно зашептал Папаша. – Хер вам, твари! Давай, подходи! Я тебя сам грохну, понял, да?!

Девочка послушно придвинулась еще на шаг, заставив Папашу вжаться в подоконник.

– Не! Не-не-не! Ты куда ползешь, тварь?! Ты не ползи ко мне! Изыди, сука! Изыди, говорю! Деня! Деня!

Папаша с мольбой перевел на Дениса влажные глаза. Слезы катились по глубоким морщинам и разбивались о голую грудь, покрытую курчавым седым волосом. Денис сжал кулаки. Папашу ему было по-настоящему жалко.

– Прости, – только и сказал он.

– Крыса! – с отчаянием повторил Папаша.

Девочка подошла еще на пару шагов ближе к жертве. Папаша затравленно огляделся по сторонам – на стену, на кухонный гарнитур, на Дениса, на армированный стеклопакет

позади – и вдруг громко выдохнул и полоснул себя по горлу. В стену выстрелил красный фонтан. В спертom воздухе кухни запахло свежим мясом. Все еще сжимая нож в кулаке, Папаша тяжело сполз на пол. Жизнь стремительно покидала его старое тело. Папаша умел резать правильно.

Прежде чем глаза его закатились, девочка принялась лачать растекающуюся лужу.

* * *

Бочки с глухим стуком бились друг о друга. К ставшим последним вместилищем Перепелкина и Лолы прибавилась еще одна, с Папашей. Старикан вошел как влитой. Пришлось только сломать ему позвоночник. Закрепить бочки по-человечески не хватало времени. В салоне уже ощутимо пованивало разлагающейся плотью. Да и нечем было крепить. Возить такие объемы «Чистым рукам» приходилось нечасто.

Денис специально дождался вечера, чтобы Михалыч заступил на смену. Только когда на солнце напоззли ватные сумерки, сгреб в спортивную сумку деньги, побрякушки и оба Папашиных телефона. Исчезновением такого колоритного бизнесмена заинтересуется не только полиция, но и очень нехорошие люди. Пусть думают, что Папаша сбежал в спешке.

В машине он сунул сумку в бочку к трупу. Пару раз звонили телефоны; Денис не отвечал, но и не отключал тоже.

Главное – не пороть горячку. Все делать обстоятельно и спокойно, хотя нервы на пределе, на самом краю, и уже соскальзывают... три на ниточке, три на сопельке... и эти чертовы телефоны трезвонят без умолку... стоп! Что-то шевелится в нагрудном кармане, как мерзкая серая крыса, подбирается к самому сердцу... Денис расстегнул комбинезон, с удивлением вынул сотовый.

– Да, Танюшка, – устало пробормотал он.

– Папочка, ты где? Твои девочки волнуются! Неделю дома не был, второй день на звонки не отвечаешь!

Он представил, как Таня наигранно-обиженно дует пухлые губки. Только голос у нее был совсем не игривый. Обеспокоенный голос.

– Я уже домой еду, – соврал он. – По пути в фирму заскочу, отчитаюсь, и сразу домой. Папочка соскучился по своим девочкам. Приеду, зацелую вас. Только в душ сперва. И поест нормально. Все, я за рулем. Скоро буду.

Он нажал отбой. В зеркале заднего вида нашел два багровых уголька, светящихся во тьме салона. Денис кивнул им: скоро все закончится. Угольки кивнули в ответ.

Михалыч выбрался из сторожки, по-стариковски кутаясь в теплую куртку. На правах хозяина заглянул в «газель», присвистнул от удивления, восхищенно зацокал языком.

– Перекормите, Деня, ой перекормите! – тут же без перехода добавил: – Папаша не предупреждал, что ты приедешь.

– Он в астрале уже дня два. – Денис пожал плечами. –

Забыл, наверное.

– Ну, забыл – не забыл, а порядок быть должен, – прокряхтел Михалыч.

Скрученная рука нырнула за пазуху, и Денис напрягся. Однако вместо пистолета Михалыч вытащил допотопный телефон и, подслеповато щурясь, принялся набирать номер. Этот древний упырь, он тоже ничего не боялся. Какая такая расплата? Его заботила только упущенная выгода. Настолько сильно это поразило Дениса или сказался недосып и напряжение последних дней, но он далеко не сразу сообразил, что из салона приглушенный стенками бочки раздастся рингтон Папашиного телефона. Михалыч недоуменно пялился внутрь. Затем так же недоуменно перевел взгляд на Дениса. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, а затем синхронно рванулись за оружием.

Денис успел раньше. Михалыч рухнул на землю, конвульсивно подергивая ногами. Со стороны могло показаться, что у пенсионера прихватило сердце. Если бы не раздробленный висок и не выпавший из орбиты глаз. Денис взмахнул кастетом, стряхивая кровавые брызги. Хотелось выматериться, но не было сил. Он затолкал все еще живого Михалыча в салон, поднял шлагбаум и поехал на свалку.

Чтобы найти то самое место, пришлось отключить мозг и довериться интуиции. Довериться *ей*. Впереди, в дальнем свете фар, изредка маячила голая изломанная фигурка, и, заметив ее, Денис ехал следом. Минут через пятнадцать он

остановил «газель» посреди просторной площадки, вроде той же самой, но при этом неуловимо иной. Он столкнул Михалыча на вонючую землю и за ноги оттащил от машины.

– Давай, он твой. Он – последний, – сказал Денис темноте, и пошел вытаскивать бочки.

Подле умирающего старика в рядок ложились мешки для трупов, в свете фар блестящие, как тюленьи туши. Папаша. Лола в двух мешках. Перепелкин, тоже в двух. А Михалыч все дергался и дергался, скребя липкие нечистоты узловатыми пальцами. Темнота вокруг зашевелилась, запищала тонкими голосками, затопотала тысячей маленьких лапок, а девочки нигде не было видно.

– Эй?! Ты где?! – негромко позвал Денис. – Забирай его и успокойся уже!

Он вдруг обнаружил себя стоящим у мешков, с ножом Перепелкина в кулаке. Творилось что-то странное, что-то непредвиденное, и он не был уверен, что желает в этом разбираться. Денис хотел уехать отсюда, прямо сейчас. Но сперва нужно закончить дело. Да, закончить. Следуя наитию, он наугад потянул молнию одного из мешков.

Лишенный кожи череп Перепелкина оскалился безгубой улыбкой. Срез был идеально ровный, никаких следов от зубов или когтей. Холодея от понимания, Денис расстегнул второй мешок. Огромная дряблая грудь Лолы лежала на самом верху. Тот же ровный ножевой срез. Сердце, почерневшее от засохшей крови, лежало рядом. Мешок с расчленен-

ным Папашей раскрывать не стал. И без того знал, что там будет гораздо больше одной ножевой раны. Словно лишившись костей, Денис обессиленно упал на колени.

– Вот, значит, как? – пробормотал он, новыми глазами оглядывая окрестности. – Значит, вот так, да?

Он все еще надеялся, что сейчас с мусорной горки скатится синее тельце, состоящее из локтей, драных коленок, смертельных ран и смертоносных зубов. Но свалка шевелилась, ходила ходуном и угрожающе переговаривалась крысиным визгом, и нигде ни следа маленькой жертвы, ставшей палачом.

В кабине обеспокоенно ожил телефон. Денис по мелодии узнал, что звонит Таня. И он должен, обязан был встать, взять трубку и успокоить ее, сказать, что приедет через два, в крайнем случае через три часа. Но он не мог, никак не мог вернуться в маленькую женскую вселенную, пахнувший кровью и смертью. Этот запах въелся в кожу, пропитал его насквозь, и был только один способ избавиться от него, раз и навсегда.

Потому что оставался еще один, последний.

Самый последний.

Денис не заметил, когда остался без комбинезона, но так было лучше, так было правильнее. Прохладный ночной воздух приятно остужал раскаленное тело. Денис опустил в грязь, рядом с затихшим сторожем и закрыл глаза. Нож запульсировал на яремной вене. Как и его учитель, Денис тоже

умел резать правильно.

Естество

Закатное солнце высекало багровые блики из заиндевевшего тела. Женщина сидела на заваленном снегом подоконнике, прислонившись к откосу. Она не была красивой и не была молодой, но смерть сделала из нее безупречную фотомодель: мороз и снег хорошо потрудились, сглаживая морщины и выбеливая кожу. Под стрекот фотовспышки Чернову подумалось, что, не будь женщина мертвой, вышла бы идеальная картинка для ванильного паблика.

Снега в квартире было чуть не до колена, и скрипел он почти так же, как на улице. Стараясь не касаться окоченевшей стопы, Чернов перегнулся через подоконник. Внимательно оглядел панельные стены бледно-лилового цвета, словно хотел отыскать следы ниндзя-скалолаза. За обширным снежным пустырем, поросшим редкими деревьями, вытянулось Ключевское шоссе. Грязно-желтый погрузчик вяло расталкивал выросшие за ночь сугробы. Мимо него осторожно протискивались немногочисленные автомобили, все больше внедорожники. Невиданная метель, бушевавшая двое суток, утопила Петрозаводск в снегу.

– Что скажете, Егор Николаевич? Прав участковый, что нас вызвал?

Борисыч, бессменный криминалист отдела, вырос за плечом, прижимая к чахлой груди старый фотоальбом. Чернов

покраснел до кончиков оттопыренных ушей. Седьмой месяц официальной службы, а до сих пор не привык, что мастодонт калибра Борисыча величает его по батюшке. Не понять никак, то ли серьезен криминалист, то ли тонко подтрунивает. В присутствии старших коллег вчерашний практикант Чернов робел.

– Ну так, кхम्म... – Он звучно откашлялся. – Следов взлома нет же?

– Нет как нет. – Тряхнул седою шевелюрой Борисыч. – Дверь вскрывал плотник из управляющей компании в присутствии понятых и участкового. Налички и рыжья – полный комод. Старушки-процентщицы банкам не доверяют.

– И следов насильственной смерти тоже нет...

– Я вам, Егор Николаевич, больше скажу, первичный диагноз – смерть от переохлаждения. Зуб даю, что он же единственно верный.

– А символы эти, на стенках? Участковый же из-за них переполошился?

Чернов обвел рукой стены. На обоях, частично скрытые бахромой снежной кухты, алели огромные знаки, вроде тех, что рисуют сатанисты в голливудских ужастиках.

– Ну да, ну да. Участковый тут молодой, впечатлительный. – Борисыч сделал ударение на слове «молодой». – Сразу подумал, что кровь, жертвоприношения, экстремизм всякий. Я, кстати, проверял, не кровь, обычная краска, старая. Но тут как раз все понятно. Вот...

Борисыч раскрыл фотоальбом, полный аккуратных газетных вырезок, приклеенных к толстым картонным страницам. Рекламные заголовки, набранные аршинными буквами, предлагали услуги «последней карельской шаманки»: приворот, снятие венца безбрачия и прочую дичь. На черно-белых снимках – остроскулый фас, тяжелый подбородок, нахмуренные брови и переброшенная через плечо пепельно-серая коса. Не хватало только инея на коже.

– Барышня наша с восемьдесят девятого года практикующий экстрасенс, с бааальшим послужным списком. Даже на каком-то центральном канале засветилась. Соседи подтвердили: наскальной живописи уже много лет.

– Так это... – замялся Чернов. – А нас тогда зачем?

– О, рад, что вы спросили! – Сомнений не осталось – Борисыч издевался. – Рубашечка ее эта, сеточкой, видите? Вот, по всем признакам, надевали рубашечку уже на мертвое тело. Смотрите, иней с носа содрали. И еще вот, спереди до лобка натянули, а сзади едва лопатки прикрыты.

– То есть я правильно понимаю? Гражданка... – Егор стрельнул глазами в ежедневник. – ...Сафонова раскрыла окно, села на подоконник и замерзла насмерть, а потом кто-то пришел и напялил на нее эту сетку?

– Так точно! – одобрительно кивнул Борисыч.

– Зачем? – Егор глупо заморгал.

– А это ты мне ответь, гражданин следовательно.

Хлопнув Чернова по плечу, Борисыч вышел в коридор.

Через минуту оттуда, усиленный эхом, долетел его тихий голос:

– Мы закончили. Барышню снять бы не мешало да окно закрыть. Надо стояк отогреть, пока трубы не полопались. Ну зима, елки зеленые! Давно такой не было...

– Так а чего с тетя Надей-то? – спросил невидимый понятой.

– В морге выясним.

Вот такой он – Борисыч, вроде трепло треплом, но важную информацию и под пытками не сдаст. Ни слова о странной сетке, которую, если верить его словам, покойница на себя не надевала. Ерунда какая-то. Чернов вздохнул и поплелся в коридор, раздавать указания. Оставалась робкая надежда, что Борисыч ошибся, и Сазонова сама обрядилась в эту рубаху, сама открыла окно и сама замерзла. Но Борисыч ошибался крайне редко. А уже вечером в отделение заявилась зеленоглазая Агата, которая подтвердила, что такие женщины, как Сазонова, просто так не замерзают.

* * *

Чернов как раз корпел над отчетом, когда она впорхнула в кабинет, вся такая испуганная, трепетная и всклокоченная. Дорогое зимнее пальто удачно подчеркивало аккуратную грудь, осиную талию и волшебным образом делало длинные ноги еще длиннее. Зеленые глазища в пол-лица, яр-

ко-рыжая копна волос, бледная кожа и тонкие нервные руки – она напоминала горящую спичку.

– Здравствуйте... – Колдовские глаза затравленно метались от одного опера к другому. – Егор Николаевич...

Чернов узнал ее не сразу. Шутка ли – со школьного выпускного не виделись! Люди, бывает, за год меняются до неузнаваемости, а тут столько лет прошло. Секунду перед ним стояла незнакомая испуганная женщина – а потом щелчок! – и где-то в пыльных коридорах памяти рухнула полка с воспоминаниями о первой любви, и картинки, заботливо упрятанные в прозрачные файлы, разлетелись по всей голове, всё такие же яркие, цветные. Предательски заалели кончики ушей, и ворот рубашки стал тесен. Перед ним стояла та самая девчонка из одиннадцатого «а», которой он присылал анонимные любовные письма, подсовывал шоколадные сердечки в сумку с учебниками, которую тайком провожал до дома, но так и не признался в своих чувствах.

– Я! – Чернов засуетился, громыхая креслом. – Это я! Присаживайтесь!

Коллеги многозначительно захмыкали, возвращаясь к прерванным делам. Кто-то завистливо цокнул языком. Егор поспешно переместил гору пухлых папок на подоконник, освобождая стул. Девушка элегантно присела на самый краешек, закинула ногу на ногу. Чернову показалось, что она сейчас закурит – так делали роковые красотки в его любимых детективах: врывались к старому угрюмому полицей-

скому, требовали спасения и курили, закинув ногу на ногу, – но нет, конечно же, она не закурила. Ее руки мяли вместительную кожаную сумку, испуганный взгляд прятался среди разложенных на столе бумаг, а Егор не сводил с нее глаз и думал – узнала, не узнала?

– Меня зовут Агата...

– Здравствуй, Агата, – перебил Егор, еле сдерживая глупую улыбку.

В зеленых глазах мелькнуло узнавание, на щеках проступили ямочки.

– Егорка... – недоверчиво улыбнулась она. – Вот я дура! Могла по фамилии догадаться, что это ты. С ума сойти. Где бы еще встретились, да?

Кто-то из коллег издевательски хохотнул. Чувствуя, как кровь приливает к лицу, Чернов неловко сложил руки перед собой. Агата тоже смутилась, заерзала на стуле, недвусмысленно указывая глазами на дверь. Чернов понимающе кивнул. Отчеты подождут до завтра.

Через дорогу от здания МВД в полупустом торговом центре приютилась чахнувшая без клиентов кальянная. В тишине пустого зала, на мягких подушках, Агата немного расслабилась. С оценивающим интересом оглядела бывшего одноклассника. Улыбка у нее осталась все та же – теплая, как будто немного печальная. Когда уголки губ ползут вверх, а нижняя губа, напротив, легонько изгибается вниз. Странная улыбка, трогательная, доверчивая и до боли родная.

– Извини, банальность скажу, но ты очень сильно изменился. Такой... серьезный дяденька стал. Мужчина.

– Да прям-таки серьезный...

Чернов старался вести себя раскованно, но уши, проклятые уши, пылали как два маяка. Сам он особых изменений в себе не видел – все тот же лопухий, тонкошейный подросток, с мышинового цвета глазами и такой же шевелюрой. Разве что от прыщей избавился да сутулиться перестал.

– Слушай, я очень рада, что это оказался ты. – Агата перегнулась через столик. – Я когда сюда шла, очень сильно боялась. Руны сказали – не бойся, там хороший человек, друг, он поможет, а я все равно боялась...

– Это ты зря, у нас все профессионалы.

– Хороший полицейский и хороший человек – это зачастую разные вещи, Егорка. Я не знаю, какой ты полицейский, но человек ты правда хороший. – Она недоверчиво покачала головой. – Егор Николаевич, подумать только...

Певучий голос протекал сквозь Чернова, вибрировал в коридорах памяти, поднимая ветер. Рассыпанные картинки прошлого закручивались спиралью, мельтешили все быстрее, все путаннее. Отвлеченно Егор поймал себя на мысли, что сидел бы вот так и слушал, слушал, слушал... пока нечто темное не царапнуло слух замерзшим расслоившимся ногтем.

– ...дело Сазоновой ведешь.

– Ну да, я веду, – встрепенулся Чернов. – А откуда ты...

– В «Новостях» на «Первом» передавали, – отшутилась Агата, вынимая из сумки объемистую красную папку с документами. – На самом деле это не важно. По-настоящему важно только одно: я пришла искать помощи и встретила тебя. Это знак, Егорка. Значит, шанс все-таки есть.

– Шанс на что?

– На то, что я не кончу, как Надька Сазониha.

* * *

Кафешка дышала ароматом кофе и кальянных паров. Мягкие подушки навязчиво предлагали откинуться, расслабиться и даже вздремнуть, но Чернов сидел как на иголках. Новая информация оказалась нереальной и поразительной. Она с ног на голову переворачивала мироощущение Чернова, безжалостно разрушая стройную, до сегодняшнего дня насквозь понятную картину мира. В такое невозможно поверить, и уж точно невозможно принять за считанные секунды, но именно это и произошло – Егор поверил и принял сразу, как только Агата сказала, что Надежда Семеновна Сазонова – ведунья и что она такая не одна.

– Мы целительницы, гадалки, прорицательницы, – говорила Агата. – Сазониha на любовной магии специализировалась. Ну, знаешь, приворожить, на суженого погадать, полный набор для молоденьких дурочек и стареющих теток, желающих поиграть в любовь.

Чернов перевернул страницу, открыв матовую фотографию. Со снимка на него смотрела утопленница в рубахе-сечке. Распухшее от воды тело студнем расплзлось по ванне. Торчащее над водой одутловатое лицо напоминало человеческое лишь отдаленно. Четкость снимка позволяла разглядеть бледную ноздреватую кожу, трупные пятна и слизь, скопившуюся в уголках глаз.

– Откуда это у тебя?

– Эта? – Обхватив кружку двумя руками, Агата отпила горячий кофе. – Калуга. У этого дела широкая география, Егорка, от Дагестана до Владивостока. Для Старой расстояние не преграда. Для нее вообще преград нет.

За фотографией лист печатного текста, общие сведения. Шенкова Олеся Николаевна, семидесяти пяти лет от роду. Официальная версия смерти – несчастный случай, заснула в ванной и утонула. Женщина пожилая – версия логичная. Кабы не эта чертова рубаха. Все обитатели Агатиной папки носили такую. Вернее, все обитательницы. Екатерина Хотко, инфаркт миокарда. Анна Бортникова, кровоизлияние в мозг. Антонина Иванова, еще один инфаркт. Светлана Тараканова, несчастный случай, выпала из окна. И еще восемнадцать женщин, умерших в разных городах за последние два десятка лет.

– Старая – это кто?

Агата дернула щекой и поставила чашку на блюдце. Стекло задребезжало о стекло.

– Это наша смерть, Егорка. – Агата сцепила руки в замок, унимая дрожь. – У нее есть имя, но мы его не называем. Она может услышать, а я не хочу! Я жить хочу, понимаешь?!

Бармен у стойки прекратил протирать стакан, настороженно глядя на шумную парочку. Агата взяла себя в руки, постучала ногтем по раскрытой папке.

– Я оплачивала частное расследование. Шесть детективных агентств сменила. Они все тоже поначалу такие скептики были, как ты. Все хмыкали так, улыбались, общались как с дурочкой. Все слились, Егорка. Как только до сути докопались, так проглотили свои улыбочки, засунули в задницу скептицизм и слились.

Все, что говорила Агата, казалось Чернову несусветной чушью. Какие-то руны, гадания, ворожба. Но он с готовностью впитывал любой бред, любую ересь, если она срывалась с этих тонких, красиво очерченных губ.

– И в чем же... суть? – осторожно спросил он.

– Суть в том, что с чертовщиной профессионалы не связываются. А тут, Егорка, на каждом шагу чертовщина, где ни ковырни. Даже сетки эти проклятые. Они же из человеческих волос сделаны... Из ее волос, анализ ДНК не соврет! Это у нее... – Агата замялась, подыскивая сравнение. – ... как знак такой, что ли? Как у серийных убийц.

– Судя по твоему делу, она и есть серийный убийца.

Чернов хотел накрыть рукой папку, но там неожиданно оказалась узкая ладошка Агаты. Это было так правильно –

взять ее ледяные пальцы в свои, сжать утешающим жестом. Дружеским, исключительно дружеским, конечно же! Лишь чуть дольше задержаться на мягкой холодной коже...

– Так. – Чернов потрянул головой, отгоняя наваждение. – Пусть все так, как ты говоришь. Почему сразу в полицию не пошла? У тебя целое дело собрано, с уликами, экспертизами...

– Да какое там? – Агата шумно отхлебнула из чашки, горько усмехнулась. – Это с виду все прочно и стройно, а начини доказывать – все развалится к чертовой матери.

– Но сетки...

– А что сетки? Мало ли какая мода? Тем более среди экстрасенсов. Может, это навроде пояса из собачьей шерсти? Да и докажу если, где вы Старую ловить будете?

В ее голосе не было ненависти, только детская обида на несправедливость этого мира.

– Я когда к тебе шла, у меня только одно желание было – отдать все это хоть кому-нибудь, вдруг да поверят? Даже просто в Интернет хотела выложить, только бы не пропало. Очень важно, чтобы люди мне поверили и начали искать, чтобы охотились за Старой. Чтобы этой твари нигде житья не было.

Не зная, что делать, Егор крепче сжал ее руку. Агата громко шмыгнула носом, потянулась за салфеткой.

– Ты мне не веришь. Даже сейчас не веришь, когда мне жить до полуночи осталось.

– Слушай, ну если ты опасаясь этой Старухи своей, давай в участке переночуй, я все устрою... – засуетился Чернов.

– Это не поможет, Егорка, от Старой нигде не спрячешься. Особенно если помечен. – Зеленые глаза блестели от сдерживаемых слез, голос дрожал. – На мне ее сеть, прямо сейчас. Показать? Это тебя убедит?!

Дрожащие пальцы принялись расстегивать тугие пуговицы блузки.

– Показать?! – с нажимом повторила Агата.

Чернов поспешно схватил ее за руки.

– Да ты чего?! Ну не здесь же, ну?!

Агата резко успокоилась, окинула Чернова новым, оценивающим взглядом.

– Ты прав, Егорка. Не здесь.

Она решительно встала, собрала фотографии в папку, не глядя бросила на стол тысячную купюру. Не дожидаясь сдачи, потянула Чернова за собой. Тот не сопротивлялся. Лишь на улице, вдохнув морозного воздуха, спросил:

– Куда мы?

– Ко мне, Егорка, – задумчивая Агата отвечала на автомате. – Я тут двушку снимаю, на Красной.

– Так я на колесах. – Чернов суетливо полез в карман за ключами.

– Не хочу. Не надо. – Агата неуверенно взяла его под руку. – Давай пройдемся, погода такая славная! Вдруг это моя

последняя прогулка?

Чернов хотел возразить, успокоить, но вместо этого пошел молча, послушный как пес на поводке. Столько лет мечтал пройтись с ней вот так, за руку, по улице, на виду у всех, а теперь, когда мечты сбылись, плелся рядом и не понимал ни черта... Агата с видимым удовольствием выдыхала клубы белесого пара в звенящий вечер. Людей на улице почти не было. Под ногами скрипел свежесвыпавший снег. Совсем как в квартире мертвой Сазоновой.

* * *

Свет включать не стали. Не было никаких прелюдий, предварительных ласк. Агата стянула берет, рыжие волосы взметнулись, высекая искры, испепеляя разум Егора электрической дугой. В себя Чернов пришел уже в спальне. Они целовались как обезумевшие, и Агата стаскивала с него куртку, пиджак, расшнуровывала ботинки. Он же, одуревший от внезапно нахлынувшего счастья, мямлил ее стройное тело, неумело, как подросток, хватал за грудь, за бедра. Непослушные пальцы не справлялись с тугими пуговицами блузы. Чернов рванул в разные стороны, и легкий шелк затрещал, как рвущаяся бумага. Пуговицы, весело стуча, запрыгали по полу.

В падающем из окна свете убывающей луны Агата сияла глянцем. Сеть оплетала ее тело от острых ключиц до впалого

живота. Легкий сквозняк шевелил разорванные волокна, отчего сеть казалась живой. Это должно было оттолкнуть Чернова, но, неожиданно, возбудило еще сильнее. Он повалил Агату на кровать, рывком развел стройные ноги, но она вернулась, ловкая как угорь.

– Нет-нет, милый, – лихорадочно зашептала она, еле сдерживая его жадные руки. – Тебе нельзя, Егорка! Не сейчас! Позже, чуть позже! Я дам тебе все, я дам тебе больше, чем все, но позже...

– Я хочу тебя. – Егора трясло от желания. – Хочу сейчас! Не хочу ждать!

– Тише, милый, тише, тише... Я все сделаю сама... я все сделаю...

Она наклонилась, кусая его сосок. Оставляя языком влажную дорожку, двинулась ниже, делая краткие остановки на поцелуи. Ниже. Еще ниже. Коротко вжикнула молния. Егор охнул, зарылся пальцами в густые рыжие волосы. Ему казалось, что Агата хочет проглотить его, выпить досуха, до последней капли. Острые ногти до крови впивались ему в бедра, подталкивая, призывая двигаться быстрее, и он отдался ее воле. Разум заволокло влажным туманом, и Чернов с готовностью рухнул в него, не зная, что ждет там, внизу, – твердая земля или бесконечная пропасть. Но внизу оказалось ласковое теплое море. Оно объяло его естество, вобрало в себя, и Егор впервые в жизни кончил так оглушительно, что подкосились ноги.

– Почему не сейчас? – спросил он позже, когда сумел собрать воедино лениво расплзающиеся мысли. – Чего мы ждем? Ты ведь тоже этого хочешь, я чувствую...

Агата перекатилась на живот, кивнула понимающе.

– Старая не чует девственников, а ты формально все еще девственник, Егорка. Я даже не думала, что в твоём возрасте можно ни разу... – она осеклась, почувствовав, как напрягся Чернов, и поспешно затараторила: – Нет! Нет, я не смеюсь, ты не подумай! Это очень трогательно, очень. Я тобой восхищаюсь. Когда руны сказали, что ты сможешь избавить всех нас от Старой, я не верила, а тебя увидела и все поняла сразу. Никто не станет сражаться с таким страхом ради денег. То есть сражаться-то можно, а вот победить... Победить Старую может только человек искренний, самозабвенный. Ты, Егорка. Ты действительно можешь защитить меня. Потому что любишь.

Люблю? – отрешенно подумал Чернов. Да, черт возьми, люблю! Люблю ее, и всегда любил! Все эти годы ни с кем не спал, не встречался даже... Ему вдруг захотелось сделать что-то безумное, раскрыть окно и закричать на всю улицу, спеть серенаду, метнуться в цветочный магазин за миллионом алых роз... но весь порыв ушел, как вода в песок, в тихий Агатин голос.

– Полночь скоро.

– Почему в полночь? – Чернов попытался обратить все в шутку. – Что за театральщина дешевая?

– Это не театральщина, это наша жизнь. У волшбы полно всяких законов, правил и условностей. – Агата прижалась головой к его груди. – Тук. Тук. Тук. Как у тебя сердце стучит... Ночью Старая может остановить его усилием воли, а днем понадобится сложный ритуал, и никаких гарантий, что...

Тук. Тук. Тук. Это в дверь. Деликатно, но настойчиво. Электронный будильник на тумбочке показывал одну минуту первого. На спине Агаты – Чернов почувствовал это подушечками пальцев – проступили мурашки.

– Пора.

Она прошептала это так обреченно, что Егора наконец проняло.

– Мы ведь можем просто не открывать, – неуверенно предложил он.

– Старая входит куда хочет и когда хочет. У нее разрыв-трава в палец зашита.

– Чушь какая-то, – пробормотал Егор.

Он вдруг заметил, что старается говорить негромко, как в детстве, когда на спор вызывал с друзьями Пиковую даму. Усилием воли Егор встряхнулся – в самом деле, взрослый мужик, при оружии... Оружие! Он выудил кобуру из-под пиджака, сообразил, что все еще полуголый, и принялся, чер-

тыхаясь, застегивать молнию на ширинке.

– Тогда я сейчас сам ей открою, и...

– Не надо. – Агата уперлась ладонью ему в грудь. – Она убьет тебя, как только увидит. Остайся здесь, я скрою тебя от нее, отвлеку. Только тогда ты сможешь...

Агата вышла из комнаты, шлепая босыми ногами. По ее следам истлевающая сеть рубашки усеивала пол седыми волосами. Прикрыв дверь, Агата обернулась – в узком прямоугольнике щели гладкое бедро, маленькая острая грудь, половинка бледного лица.

– ...ты должен убить Старую, Егор.

Темнота сожрала ее без остатка. Только слышно было, как удаляются призрачные шаги. Чернов лихорадочно заправлял рубашку, застегивал ремень. Щелкнул дверной замок. Легкий сквозняк лизнул Егора в лицо, принесся пряный запах сушеных трав. Пальцы сняли пистолет с предохранителя. Стало тревожно. По-настоящему тревожно.

Негромко щелкнул выключатель, заливая комнату теплым желтым светом. Мимо щели, сторбившись, прошла Агата. Остановилась расчетливо, так, чтобы Чернов четко видел ту, что пришла за ней. Для него, спрятавшегося в глубине комнаты, этот участок комнаты был как на ладони. И Чернов увидел.

Если до этого и оставались какие-то сомнения, то теперь они растворились в ужасе неизведанного. Опутанная седыми космами, едва не задевая потолок макушкой, Старая всплыла

в комнату. Грязные, в репьях, листьях и мелких ветках, волосы волочились за ней, змеились, заползали вперед, ощупывая дорогу. Они то ходили волнами, то замирали в хищной стойке, то вздымались в порыве несуществующего ветра. Мгновениями казалось, что нет ничего – ни лица, ни тела, ни ног – только эти жуткие живые волосы. Но нет-нет, среди мельтешащих косм проявлялись длинные пальцы, нервно прядущие тайные знаки, морщинистое, в старческих пятнах, лицо и костлявые босые стопы.

Шевелящийся кокон остановился напротив Агаты. Волосы на секунду опали, выпуская наружу ссохшуюся руку. Желтый заточенный ноготь срезал с девушки остатки сети. В тот же миг тонкие белесые черви рванули к Агате со всех сторон, приподняли под потолок, спеленали, забились в рот. Агата выгнулась, беззащитная и безгласная, способная кричать лишь глазами, и Егор понял, что она умирает. Парализующий страх схлынул, уступив место страху за любимую женщину. В два шага Чернов пересек комнату, толкнул дверь и с порога выстрелил туда, где должна была находиться голова Старой.

В маленьком замкнутом помещении выстрел грянул так, что зазвенело в ушах. На стену брызнуло кровью с ошметками мозга, Старая сложилась, как проколотая надувная кукла. Опали седые змеи, а вместе с ними на пол с грохотом свалилась Агата. Вездесущие волосы гнили прямо на глазах, истончались, осыпаясь невесомым прахом. Едва взглянув на

тщедушное тело Старой, Чернов метнулся к Агате.

– Сейчас... сейчас, потерпи...

Пистолет нырнул в кобуру. Егор склонился над Агатой. Вроде жива, дышит. Широко распахнутые глаза глядят осмысленно, со странной смесью светлой печали и подлого злорадства. Чернов сквозь рубашку почувствовал, как сократились мышцы пресса, когда острые ногти прочертили на них какой-то знак. Нутро рвануло так, что он едва не потерял сознание. Егор шумно всхлипнул, падая на залитый кровью пол – крик застрял внутри, сжатый нечеловеческой болью. Кто-то невидимый медленно выдирал его кишки зазубренным крюком. В затянувшей разум багровой дымке медленно взошли зеленые луны Агатиных глаз.

– Тише-тише, Егорка, тише... Это язва, всего лишь язва желудка. Не смертельно, но очень, очень-очень больно. Прости, я не хотела... Нет, хотела, хотела, конечно же, но все равно – прости.

От ее голоса красный пульсирующий туман немного рассеивался. Вслед за глазами проступило лицо, вытянутое, болезненно худое. На желтоватой коже вылезли синяки, отеки и лопнувшие капилляры. Яркие волосы, перевитые леской седины, выцвели, свалялись, прилипли к впалым щекам. Над Егором склонилась незнакомая стареющая женщина, совершенно не похожая на его школьную любовь.

– Ал-ла... – выдавил он, вспомнив.

– Да! Да! Девочка, по которой ты сох в школе, ее звали

Алла! – Губы Агаты растянула зловещая улыбка. – Прости. Ты хороший, я говорила, ты хороший человек, Егорушка, но слабый, как все люди, и тупой, как все мужики.

Агата замолчала, кусая сухие губы. Во второй раз за сегодняшний день уверенно расстегнула ширинку Егоровых брюк. Торжественно уселась сверху, упираясь ладонями в его рвущийся от боли живот. Чернов взвыл.

– Ты не понимаешь... ты не представляешь себе... – прерывисто дыша, Агата скакала на нем, и ее голос звенел мартовским льдом. – Ты не сможешь понять, каково это – быть созданным для чего-то и не сметь этого делать! Мы же ведьмы, мы должны губить людей, изводить, уничтожать! А Старая нас – в эти рубахи смирительные, как психов в сумасшедшем доме! И мы не можем, не можем, и живем с этим, мучаемся... столетиями мучаемся! Полвека надо, чтобы такую рубаху износить! У вас, людей, не каждый столько проживет, а я семь таких рубашек... Семь!

Должно быть, все кончилось быстро, хотя эти минуты показались Егору вечностью. Агата порывисто встала, пропадая из поля зрения. Крюк в животе впивался все глубже и глубже. Боль на время подменила собой мысли и чувства. Подменила самую жизнь. Стараясь не потерять сознание, Чернов слушал, как Агата ходит где-то рядом, шмыгает носом, заливается истеричным плачем, а следом – не менее истеричным смехом, ругается... хрустит костями... чавкает сырым мясом... жадно рычит.

Когда наконец нашлось достаточно сил повернуть голову, Чернов столкнулся с Агатой взглядом. Стоя на четвереньках, по-паучьи отставив локти, она, обнаженная, неотрывно смотрела на него и вылизывала пол длинным раздвоенным языком. Живот ее безобразно отвис, растянулся, шлепая по влажному от слюны паркету. Тело Старой исчезло.

– Прости, прости, прости... – беспрестанно извиняясь, Агата слизывала кровь. – Прости, я не хотела, чтобы ты это видел. Я могу сделать так, чтобы ты все забыл. Я могу, Егорушка, я теперь все могу, поверь...

Так сделай, сделай же так, хотел заорать Чернов. Но вместо этого застыл с разинутым ртом, бережно обхватив скрюченными пальцами разрывающийся живот. Улыбаясь, Агата придвинулась вплотную, жарко дыша Егору в лицо. Так близко, что можно было разглядеть розоватые волокна мяса, застрявшего между крепких ровных зубов, и почувствовать железный запах свежей крови.

– ...но я не буду. Хочу, чтобы ты помнил. Хочу, чтобы ты мучился, чтобы с ума сходил, чтобы по ночам от кошмаров просыпался. Слышишь меня? Хочу, чтобы тебя упекли в психушку, чтобы все близкие думали, что ты псих. Я как представлю тебя в смирительной рубахе, вся теку!

Она вскочила, утирая окровавленное лицо предплечьем, туго набитый живот колыхнулся из стороны в сторону. Как ни сильна была боль, Чернов почувствовал омерзение.

Агата повернулась к окну – и шторы сорвались на пол,

вместе с карнизом. По полу, звеня и подпрыгивая, покатались желтые кольца. Сама собой повернулась ручка, широко распахивая раму из белого пластика. В открытое окно, радостно кувыркаясь в потоках теплого воздуха, повалил снег. Агата подняла упавший карниз, грациозно перекинула через него ногу, будто садясь на велосипед.

– Я тебе противна, я вижу, но это все для девочек, Егорка. Для наших девочек. – Алый рот широко улыбался, ладонь поглаживала округлое брюхо. – Они уже растут, и им нужно питаться.

Не прощаясь Агата вылетела в окно, исчезая в рое крупных снежных мух.

Скрючившись от боли, Егор бессильно проводил ее глазами.

Снег опускался ему на лицо и не таял.

Еще один Роанок

– Только представьте себе: поселок полностью оторван от внешнего мира. Строго говоря, туда даже дороги нормальной нет. Настоящий, как это говорят? Медвежий угол? Это первое. Красноярская тайга, дремучий север. Так вот... Всего населения – двадцать восемь человек. Это второе. Почти сплошь старики и старухи с довольно темным прошлым...

– Это третье? Деревня уголовников – такой себе мотивчик...

– Mon Seigneur, не перебивайте меня. Но вы правы, третье вытекает именно из этого факта. Люди с темным прошлым не любят внимания. Из всех сношений с цивилизацией – раз в три месяца закупка провианта, патронов, семян... ну что там еще может понадобиться в Сибири? Они не ходят в гости и не принимают гостей, а со своими проблемами разбираются самостоятельно. Порой довольно радикально.

– Кажется, я начинаю понимать, к чему вы клоните...

– Я не закончил.

– Тысяча извинений, Распорядитель. Продолжайте.

– Здесь мы имеем уникальную локацию, до происхождения которой никому нет дела. Никому, слышите? Ни до чего. Всегда остается возможность, как это говорят? Соскочить.

– Хммм... а если соскочить не получится, то... Правильно

ли я вас понимаю?

– О чем и речь. В крайнем случае будет еще один Роанок, так ведь?

– Ну да, ну да... еще один... Впрочем, при таких раскладах Роанок – практически неизбежная финальная точка, мне кажется? Занятно. Действительно занятно.

– ...

– ...

– И что же вы скажете?

– Лично я не вижу причин сказать нет и потому говорю да. Мне кажется, все мы говорим да. Не так ли?

– Да.

– Да.

– Да...

– В таком случае хочу заверить вас, что вы не разочаруетесь. Это будет... как это говорят... отрыв башки!

* * *

На спуске машину тряхнуло особенно сильно. Голова Виктора, кемарившего у задней двери «буханки», мотнулась и врезалась затылком в стекло. Не больно, но неприятно. Отчаянно зевая, Виктор выполз из вязкого болота дремы напрямиком в удушливый, тряский, дребезжащий сочленениями и воняющий соляжкой салон. Распрямился, вытянул руки, насколько позволяли потолок и собственный почти двухметро-

вый рост, сбрасывая онемение со спины и шеи. И тут же едва не поплатился за это – «буханка», словно луноход, обманчиво медленно сползающий по изрытому кратерами, пронзенному корнями сосен, вспученному древними валунами склону, ухнула на левый борт.

Как норовистая лошадь, машина сбросила Виктора с жесткого сиденья, отправляя в короткий полет. Чтобы хоть как-то поймать равновесие, он растопырил руки и, уже падая, проснулся окончательно. Перед глазами мелькнуло удивленное лицо Наташи Хаджаевой. Раздался сдавленный писк, и Виктор зарылся лицом в колоссальные холмы Наташиных буферов. Чувствуя, как пылают уши, подался назад, при этом неуклюже облапив не менее колоссальные бедра своей попутчицы. Сгорая от стыда, он вжался в скамейку, стараясь сделаться хоть чуточку меньше. Вдруг колкие Наташины шпильки пролетят мимо?

– Ах, Кóваль, какой вы, оказывается, пылкий мушшшщина! – с театральной страстью выдохнула Хаджаева. – Напор, ярость! Как в ту ночь, перед Новым годом! Вы помните, Коваль?! Ах, ну скажите, что не забыли!

В глазах ее искрилось озорство без примеси злобы, но все равно Виктор сжался еще сильнее. К тому же говорила Хаджаева достаточно громко, чтобы перекрыть грохот и лязг дьявольской повозки, по недоразумению именуемой автомобилем. Водитель, сухощавый, обугленный на солнце работяга с синими наколками на пальцах, обернулся, выще-

лил Виктора рыбьими глазами. Стриженная под ноль голова неодобрительно качнулась.

Под хмурым взглядом водителя Виктору в который раз уже стало неловко за свои длинные волосы, собранные в конский хвост, за медную серьгу в левом ухе, за джинсовую куртку с нашивками старых рок-групп. Длинный, нескладный сорокалетний хиппарь с мосластыми руками. «Я бы с таким ростом в баскетбол играл», – при первой встрече буркнул ему водитель, явно намекая, что профессия у Виктора так себе. «Твоей ладонью два арбуза вертеть можно, а не кнопки на видеокамере щелкать».

– Ах, ну что же вы молчите, Коваль?! Воспользовались беззащитностью одинокой девы, охмурили ее и тут же бросили! Снова! – не унималась Хаджаева. – А как же та ночь, полная страсти и огня?! Неужели она ничего для вас не значит, Коваль?!

Хуже всего, что они и в самом деле чуть не перепихнулись на прошлогоднем новогоднем корпоративе. Долго и самозабвенно целовались в темном коридоре телестудии, словно подростки, шептались и хихикали, тискали друг дружку за задницы. Но когда дошло до дела, и Наташа, разведя полноватые, но стройные ноги, устроилась на диванчике в монтажной, «страсти и огня» не случилось. Какой там любовный пожар! Так, серная головка спички – вспыхнула и погасла. Виктор так и не понял, то ли алкоголь сыграл злую шутку, то ли он психологически не готов оказался. Хаджаева, несмотр-

ря на полноту и дурашливость, отбоя не знала от мужиков. Заводила с полюборота любого, независимо от возраста и наличия кольца на пальце. А вот поди ж ты.

К чести Наташи, его постыдный провал она обернула победой, всем и вся растрепав про «нечто невероятное», что сотворил с ней Виктор. «У меня такого никогда не было!» – томно закатывая глаза, говорила Наташа, не вдаваясь, впрочем, в подробности. И девочки из отдела новостей, девочки из бухгалтерии и даже девочки из техперсонала завистливо вздыхали и стреляли в Виктора игривыми глазками. А мужики одобрительно хлопали по спине и называли кобелиной.

– Ах, Коваль, что же вы со мной делаете! Прямо взглядом пожираете!

– Ну, вы еще пососитесь тут!

Из-за кучи стоящих друг на дружке кофров с оборудованием поднялась всклокоченная голова, сияющая тонзурой плечи. Следом показалось мятое лицо на фоне мятой голубой рубашки с потемневшим от грязи воротничком. Из нагрудного кармана мятое существо извлекло мятую пачку «Петра» и развязно бросило назад:

– Шеф, я в салоне подымлю?

Борис Алексеевич Морозов, главный оператор красноярского ГТРК. Сонное оцепенение сползало, как шкура со змеи во время линьки, Виктор вдруг понял, что начисто заспал все на свете, включая старшего коллегу. Вот ведь дерьмо какое. Как будто мало жары, тряски, слепней, быдловатого водите-

ля, язвительной Хаджаевой, так еще вечно всем недовольный Морозов в напарниках. Навалилась головная боль. Виктор потер виски, но легче не стало. Водитель неопределенно махнул Морозову рукой. Сам он курил, никого не стеснясь, справедливо полагая себя хозяином единственного автотранспорта, готового рвануть к черту на кулички. Не нравится? Иди ищи другого. Не нашел? Тогда терпи вонючий сигаретный дым, двусмысленные ухмылки и сальные шуточки.

– Борис Алексеевич, вы такой невоспитанный! – проворковала Наташа.

– А ты шаболда, – вместе с дымом сипло выдохнул Морозов.

– Хамло.

– Дура.

Виктор старательно закашлялся, пытаясь остановить зарождающиеся прения, но куда там! Пикировка ведущей журналистки ГТРК «Красноярск» с главным оператором напоминала взаимные укоры старой супружеской пары и была столь же вечна и незыблема.

– Быдло.

– Истеричка.

– Амба! – каркнул водитель, к явному облегчению Виктора. – Приехали. Выгружайтесь.

С адским скрипом «буханка» затормозила посреди поляны, со всех сторон сдавленной дремучим лесом. Яркое солн-

це выжигало тени, но даже сквозь заляпанное грязью окно Виктор видел: стоит развести хвойные лапы руками – и упадешь в странном сумрачном мире среди бурелома, муравейников и высоченных кедров. Мимо протиснулась Наташа, ловко спрыгнула с подножки, бросив напоследок:

– Импотент!

Пробираясь следом, Виктор краснел, не зная, радоваться, что заслуженный укол достался не ему, или удивляться, откуда Наташе известны такие интимные факты о Морозове. Путаясь в собственных ногах, запинаясь о ремни кофров, он наконец выскочил в душный июльский зной, напитанный ароматом выжженного солнцем травостоя. После солнечно-табачного духа салона запах природы, самой жизни, опьянял не хуже водки. Впрочем, о водке в такую жару думать не хотелось. О пиве в ледяной запотевшей банке – это да. В крайнем случае о квасе из желтой бочки, и чтобы непременно в стеклянной полулитровой кружке. Таких бочек да с такими кружками уже давно не водилось, но разве мечте прикажешь?

– Виталик, простите, а где же поселок?

Наташа расчетливо крутанулась, взметнув подол платья на самую границу приличия. Водитель – «Виталик, значит», – вяло подумал Виктор, – явственно дернул кадыком.

– Дальше не поеду, Натальпетровна, извините. Они ж отбитые напрочь, сектанты эти. Даже для моей ласточки дорога тяжелая, а они там деревьев навалили, камней всяких и

прочей же... – Он стушевался под прямым взглядом Хаджаевой и исправился на ходу: – Не проехать, короче. Но пешком минут за двадцать доберетесь. С такими-то...

Он, похоже, хотел что-то добавить про молодые сильные ноги Хаджаевой (по крайней мере, на них залип его похотливый взгляд), однако не решился. Когда было нужно, Хаджаева умела разделять работу и флирт. А если кто-то своевременно не понимал этого, то рисковал познакомиться с Наташей-фурией, злобной стервозиной, способной уничтожить одним словом.

Зевая и потягиваясь, из салона выполз напоминающий мятый комок туалетной бумаги Борис Алексеевич. Сплюнул добитую почти до фильтра сигарету под ноги, но в присутствии Наташи все же поспешил затереть окурок каблуком. С лицом, впитавшим всю скорбь подлунного мира, Борис Алексеевич принялся выгружать из «буханки» сумки с оборудованием и передавать их Виктору. Хаджаева тем временем рассчиталась с водителем, передав в грубые, пропитанные машинной грязью руки две яркие пятитысячные купюры. Виктор поймал себя на мысли, что завидует бесхитростному труду Виталика. Привез-отвез, деньги на руки. А Виктору за них еще пахать и пахать. Да и там надежда на премию умирает последней.

Взревела и, испортив воздух выхлопными газами, отчала «буханка», оставив трех бесконечно городских людей посреди дикого малознакомого мира. Гудели отяжелевшие

шмели. Под сенью леса перекликались невидимые птицы. Плыл дрожащим маревом разогретый июльский воздух.

Лямки тяжелых кофров врезались в плечи, по одной на каждое, и еще одна, поуже, впивалась в шею, в самый загривок. Пот проступал на коже росой, скатывался в глаза, темными кругами собирался под мышками. Пока еще не сдавался только Наташин дезодорант, но и тот держался из последних сил. Хорошо хоть репеллент, которым Хаджаева щедро залила себя и спутников, держал на расстоянии озверевших слепней. Они носились кругами, могли сдуру врезаться в лоб или руку, но укусить не пытались.

– Напомните, за каким хреном мы сюда приехали? – с предсмертным сопением пробормотал Морозов.

– Об этом, дорогой вы наш коллега, подробно говорили на вчерашней планерке.

– Я спал, – честно и даже с вызовом бросил Морозов. – Помню только про премию и сверхурочные, а снимать – какая, хрен, разница? Не под водой же и не в космосе.

На удушливом пекле не спасал даже веющий от леса прохладный ветерок. Виктор и сам ощущал себя проспавшим планерку. Мысли путались, скакали, растекались, словно мороженое на раскаленном асфальте. Что-то про деревню, про секту родом из девяностых. А вот про премию он не помнил совершенно, но, по всему виду, богато обещали, раз сам Морозов на дело вышел.

– Кришна всеблагой, что я натворила в прошлой жизни?!

За что мне вот это вот все?! Ладно, Борис «проспавший-не-только-планерку-но-и-всю-дорогу» Алексеевич, специально для вас. Официального названия у нашего пункта назначения нет, потому что его официально и не существует. Даже на карты не нанесен. Но сами себя они именуют «Оплот дней последних»...

– А, эти, что ли? Этих я помню. Я про них несколько сюжетов снимал, еще когда вы все пешком под стол ходили. Не в профессиональном плане, как сейчас, а натурально, пешком под стол.

– Будете перебивать, сможете додумать окончание истории самостоятельно.

– Дак а чего там додумывать? После развала Союза подмяли под себя половину Красноярска. Как бишь они тогда назывались... не помню... но лютая была группировка! А уже году в девяносто четвертом – девяносто пятом, что ли, они в тайгу рванули, дескать, от соблазнов подальше. Лидер у них был этот... да как же, зараза? Авдей вроде, как у Чингиза Айтматова? Такой волосатик длинный. Как Виктор наш, только с харизмой.

Морозов обидно захихикал. Виктор ускорил шаг, всем видом показывая, что ему вовсе не тяжело, и не потно, и не особо-то интересно. Легкомысленно подпрыгивая, его ритм поймала Наташа. Пыхтящий от натуги Морозов сразу же отстал на несколько метров. Некоторое время шли молча, среди белого шума, создаваемого лесом, – скрипов, шелеста,

птичьей переключки. Сорвав сухую былинку, Наташа манерно покусывала ее передними зубками.

– Знаешь, Коваль, а ты крепче, чем можно подумать. Такие сумки тащишь, и даже дыхание не сбилось.

Они нырнули под своды широких колючих ветвей. Стало чуть прохладнее и пропали слепни. Если бы не внимательные Наташины глаза, которые заставляли Виктора чувствовать себя голым, стало б совсем хорошо. Кровь не знала, куда приливать, к голове или к члену.

– А с чего такой интерес к этим сектантам? – поторопился перевести тему Виктор.

– Это Главный наш подсуетился. Ему Москва запрос кинула на сюжеты о сектах и культах. Они там на эту тему какую-то документалку снимают, чуть ли не для Национального географического, так что деньги есть. А эти, ну «Оплот дней последних», они действительно любопытные. Там же сплошь, как любит говорить наш главред, маргинальные элементы. Не просто обלאпошенные люди, а настоящие урки, которые – внезапно, Коваль! – отринули свою старую жизнь и ушли за Авдеем Светозарным в сибирскую глушь. Загадочно, согласишься?

– Вот прям загадочно? Не верю я в завязавших преступников. Как ушли, так и вернулись. Здесь все-таки не совсем задница мира. Мы же как-то добрались.

– Тут ты и не прав, Коваль! Как ушли, так там и живут. На них и дела уже давно позакрывали, за давностью лет. А ка-

кие там были дела, Коваль, мама дорогая! Бандитизм, рэкет, убийства, пытки, наркоторговля. Я старые сюжеты Морозова смотрела, ууух, дрожь берет! Он хотя и говнюк, но профи от Бога, снимал так, что наизнанку выворачивает. Нет, среди них, конечно, не все такие звери были. Сеть-то обширная, Авдей действительно пол-Красноярска в кулаке держал. И попрошайки были вокзальные, и проститутки, и курьеры – всякого понемногу. Но основа, конечно, трепет внушала.

– И что, так-таки и перевоспитались? – недоверчиво хмыкнул Виктор. – Строят посреди леса рай под крылом нового пророка, или кто он там?

– Что? А, нет. Авдея Светозарного зарезали года через три. Кто-то из близкого круга, забыла фамилию. Что-то с картами связанное. Авдей от власти кукухой тронулся. Ну, знаешь, как это бывает: статуи свои из дерева вырезать заставлял, гарем завел, запил по-черному. Вот у кого-то терпение и лопнуло. Но, заметь, убийца на своем горбу вынес мертвого Авдея к людям, добровольно сдался полиции, признал вину и отмотал десять лет от звонка до звонка. А потом знаешь что?

– Ну?

– Гну! Вернулся в поселок. Вот так-то.

Виктор хотел было пожать плечами, но тяжелые кофры сковывали движения. Дорожка до поселка оказалась не прямой, петляла между кедрами и елями, словно пьяным лосем протоптанная. Изредка и впрямь приходилось огибать

завалы камней, переползать через поваленные стволы, уже изрядно трухлявые, но сохранившие на себе следы топоров и пил. Узкая – не то что «буханка», мотоцикл с коляской вряд ли проедет – увитая корнями, притопленная изумрудным мхом дорожка больше напоминала звериную тропку, чем путь, связующий одно человеческое поселение с другим.

Как и обещал водитель, просвет впереди наметился минут через двадцать. Виктор ожидал увидеть если не землянки, то просевшие, черные от времени избы. Однако «Оплот дней последних» сумел удивить. В низинке на выходе из леса их встретили десятка три с половиной крепких срубов, некоторые даже в два этажа. Белели стеклопакеты, над кирпичными трубами там и сям вился сизоватый дымок. Блеяли козы, брехали собаки, где-то на околице интеллигентным голосом вещало радио «Маяк». И вопреки нагибающемуся со всех сторон непроглядному лесу, вопреки разбитой грунтовой дороге, поделившей поселение на две неравные части, Виктор подумал, что здесь...

– ...миленько! – Одышливо сипящий Морозов, мокрый какмышь, едко сплюнул под ноги. – Пастораль, аж скулы сводит. Не тот сектант нынче пошел. Не тот.

Действительно, «Оплот дней последних» ничем не напоминал стереотипные сектантские логовища. В какой-то степени Виктор даже почувствовал себя обманутым. Ни крестов, ни мрачной церкви, ни тебе жертвенного столба с желобками, темными от въевшейся крови. Вообще ничего, что

могло бы натолкнуть на мысль о религии, какой бы та ни была. Обычная деревня, коих тьма в Красноярском крае. Разве что довольно ухоженная. Трава скошена, заборы ровные, по-сибирски основательные, почти двухметровые. Низину, где расположилось поселение, опоясывал ров для отвода воды. Виднелись заколоченные окна, но немного, домов шесть-семь, да и те выглядели не заброшенными, а законсервированными. Судя по всему, люди здесь жили аккуратные, хозяйственные, что никак не вязалось с рассказом Наташи.

Виктор уже совсем было начал спускаться, даже сделал несколько шагов, когда в сосну, слева от него, ударила молния. Так ему показалось в первое мгновение. Громовой раскат, тяжелый как наковальня, пригнул к земле. Куски сосновой коры разлетелись в разные стороны, застучали по толстой джинсе. Удивительно, но никто не закричал. Бледная как простыня Наташа с удивлением уставилась на острую щепку, выросшую из ее предплечья. Один лишь Морозов отнюдь не бережно уронил кофры и потянулся руками к безоблачной синеве, словно в молитве. Тогда-то Виктор и сообразил, что не гром это, а выстрел.

В них стреляли.

* * *

– ...есть еще кое-что. И мне кажется, вас это определенно порадует.

– Распорядитель, вы мастер интриги! Не томите, мы все внимание.

– Основатель поселка уже контактировал с нами. Встреча получилась... как это сказать? Не подберу эпитет... В общем, ни одной из сторон не понравилось.

– ...

– Вы молчите? Вас это совсем не удивляет?

– Зная вас – ваш опыт, умение находить воистину впечатляющие вещи у всех под носом, любовь к загадкам и патологическое нежелание выдавать информацию раньше времени, – нечто подобное мы и ожидали. Это делает вас, Распорядитель, в некотором роде предсказуемым. О, без обид, прошу! «В некотором роде» означает «лишь самую малость» предсказуемым! Но продолжайте, продолжайте!

– Что ж... Этот контакт, эта незадавшаяся встреча дала определенные плоды. Теперь жители поселка, как вы говорите? В некотором роде? Да, в некотором роде они подготовлены.

– О... О-о-о! Не хотите ли вы сказать, что нас ожидает целое поселение параноиков?

– И довольно опасных, скажу я вам. Настоящие, casse-соу, если позволите.

– Мммм... думается, это в некотором роде уравнивает шансы. Так даже интереснее.

– Я так и предполагал. Вынужден спросить: вы не переменили своего мнения в свете новых вводных?

– Конечно же нет!

– Нет.

– Нет.

– Нет...

* * *

Крутым Виктор себя никогда не считал, но и неженкой тоже. Люди вроде водителя Виталика могут думать что угодно, но оператор новостей не самая безопасная профессия в мире. Случались у Виктора и командировка в Чечню, во время второй кампании, и любопытный медведь, перевернувший весь лагерь, когда снимали документалку на Путоранах, и просто агрессивный гопник с ножом на Дне города, которому не понравился длинноволосый мужик с телекамерой, но из огнестрельного оружия в него целились впервые. Ощущения Виктору не понравились.

Под конвоем вооруженных карабинами мужчин в камуфляже съемочная группа не спеша спустилась в поселок. Провожатые прятали лица под широкополыми шляпами с сеткой, как у пчеловодов. Сколько их, было непонятно. Рядом все время находились трое, но, уходя, они перекинулись приглушенными фразами с кем-то в лесу. Там, среди деревьев, кустов и бурелома, вполне можно было спрятать еще троих, а с ними целую роту и танк в придачу.

По-прежнему приходилось нести громоздкое оборудо-

вание, камеры, аккумуляторы, осветительные приборы, но Виктор их не чувствовал. Ташил, не замечая веса, и все косил на коллег – раз схлопотав прикладом между лопаток, вертеть головой не решался. Морозов плелся, по-черепаши втянув голову в плечи, и сопел так, словно вот-вот словит инфаркт. Небось уже не раз и не два проклял свою жадность... хотя, зная Морозова, Виктор был уверен, что винил тот сейчас кого угодно, только не себя. Наташа переставляла ноги механически, почти не сгибая колени. В прострации она все ковыряла пальцем ранку, оставленную отлетевшей щепкой. Неглубокую, судя по всему, крови почти не было. Ковыряла и странно поглядывала на Виктора, на Морозова, на незнакомцев с оружием. Словно пыталась вспомнить, кто все эти люди и что она, Наташа, среди них забыла.

Если вначале и существовала какая-то призрачная возможность сбежать, то в поселке она пропала окончательно. «Оплот дней последних» надвинулся, стиснул пленников деревянными объятиями высоченных заборов. Шум ежедневного быта становился все явственнее, вплетался в жужжание слепней, птичий щебет и тяжелый топот армейских ботинок конвоиров. Прорывался коровьим мычанием, незамысловатым матерком из распахнутого окна, резким стуком колуна, разбивающего поленья.

Навстречу стали попадаться люди. Пожилая женщина в узорчатом платке и с бидоном в руке кольнула пленников подозрительным взглядом и тут же нырнула за калитку, проре-

занную в массивных воротах. На лавочке, под кустами барбариса, усеянными завязью плодов, сидел, сложив ладони на палке-трости, седой старик с плечами отставного штангиста. Левая нога его от колена заканчивалась изношенным протезом, напоминающим ногу лишь отдаленно. Но даже на одной ноге старик бодро вскочил и, опираясь на трость, заковылял за процессией.

Увечный старец всколыхнул Виктора, заставил отупевшие от жары и страха мозги работать. Бросилась в глаза вопиющая странность – поселок оказался бездетным. Не было сопутствующего детским ватагам шума, не валялись у заборов игрушки и велосипеды. А ведь ушедшим в тайгу сектантам на тот момент было лет двадцать пять – тридцать. Ну, сорок, может быть. И среди них, по словам Наташи, было немало женщин. «Оплоту дней последних» уже больше четверти века. Неужели за это время никто не завел семью или попросту не залетел по глупости? Дело молодое, нехитрое. Нет, в такое Виктор не верил. Запри двух людей противоположного пола в четырех стенах, и рано или поздно они потрахаются. А здесь целый изолированный от мира социум. Но где же тогда дети? Мысль эту Виктору додумывать не хотелось. От нее в животе становилось холодно и скользко.

– А ну тпру-у-у! – словно лошадям, скомандовал голос за спиной.

Они остановились возле окрашенных зеленой краской ворот с намалеванными на створках кривоватыми пятиконеч-

ными звездами. Внутри, впритирку друг к другу, перекрывая почти весь двор, паслась пара заляпанных грязью внедорожников. Один из них, обгорелый, со спущенными передними колесами, выбитыми стеклами и следами от пуль на кузове, заставил Виктора задрожать, словно в ознобе. За машинами грел на солнце вытянутое деревянное тело то ли барак, то ли ангар, то ли еще какая сельхозпостройка, без окон, с громадными воротами – трактор проедет. Легкий ветерок доносил аромат сена и, куда более едкий, навоза.

«Коровник, что ли?» – успел подумать Виктор, как дверь распахнулась, выпуская на улицу пожилого бородача в куртке-энцефалитке.

– Господи прости, да что за день такой? Я даже пожрать не успел! – Откусывая от ломтя черного хлеба с салом, он нахмурил изъеденный морщинами лоб. – Еще трое, етить твою душу! Этак стойла переделывать придется...

– Не ссы, Козырь, – бросил конвоир. – На наш век камер хватит.

Сектанты грянули хохотом, несколько, как показалось Виктору, натянутым. Словно происходящее не нравилось им самим. И в этом теплилась надежда. Только она удерживала Виктора от такого же истеричного смеха.

– Говорят, съемочная группа с телевизора. Приехали про нас кино снимать.

– Кино-о-о...

Тот, которого называли Козырем, дожевал бутерброд, отер

усы и широко повел ладонью.

– Ну, раз кино, то милости просим. Таковую дичь нам еще не втюхивали. Давай-ка по одному, киношники. А вещички свои тут бросайте, не украдут. Будет сход сегодня, там и разберемся, что за кино вы тут снимаете...

Длинное здание оказалось конюшной со стойлами, устроенными вдоль стен. Отгоняя гнус, чадили дымари. Умные лошадиные глаза провожали пленников. Кто-то тихонько пофыркивал, кто-то презрительно ржал. Звери привычно тянули мягкие губы к хозяевам, в надежде на угощение, а те столь же привычно, мягко отводили нахальные морды в сторону.

Окна внутри все же были. Узкие, затянутые грязью просветы под потолком. Ребенок еще пролезет, взрослый нет. Виктор понял, что всерьез обкатывает мысль о побеге, и кожа от затылка до лопаток съежилась точно от холода. Задрожали, грозя подкоситься, ноги. Пришло осознание, что все всерьез, они в плену у вооруженных сектантов. Да, множество людей знает, куда поехала съемочная группа, да, их станут искать, но поможет ли это? Не придется ли спасателям и полицейским заниматься опознанием трупов? Возможно, обезображенных, как знать.

Ближе к концу конюшни, где помещение расширилось, превращаясь в сеновал, Козырь остановился, позвякивая внушительной связкой ключей. Последние три стойла по обеим сторонам выглядели иначе, просто как отдельные комнаты с дверями и мощными навесными замками. Козырь

подобрал ключ, отщелкнул дугу и вновь исполнил свой обманчиво гостеприимный широкий жест.

– Ну-с, апартаменты ваши...

От звука его голоса в ближайшей камере – теперь Виктор понял предназначение комнат – кто-то завозился. Раздался молодой, ломкий от страха голос:

– Эй! Эй вы там! Ну пожалуйста, выпустите нас! Мы никому не скажем!

– А ну, заглохни! И до тебя очередь дойдет.

Ближайший сектант грохнул по двери ногой, да так, что доски отозвались протяжным скрипом. Козырь посмотрел на него неодобрительно, но смолчал. Голос за дверью притих, бормоча что-то неразборчивое. Не дожидаясь повторного приглашения, Морозов проскользнул в камеру, где тут же забился в самый дальний угол. Пригнув голову, Виктор шагнул следом. На пороге замер на мгновение, разглядывая комнату. Стены из толстого горбыля, окошко под потолком, не дотянуться, даже с его ростом, свежая солома на полу да ржавое ведро ближе к входу.

– Шагай давай! – прилетело в спину, и Виктор послушно продвинулся вглубь.

– Давай вперед, кому говорят?!

– Н-н-н-нет...

Не понимая, что происходит, Виктор оглянулся. Фигура Наташи в дверном проеме попятилась. Хаджаева обнимала себя руками, словно среди умирающего от удушья лета

ее вдруг накрыло арктическим морозом. Ее и в самом деле трясло, мелко-мелко, лихорадочно. Челюсть ходила ходунком, выклацывая беспомощную морзянку:

– Н-н-н-нет... н-н-н-нет... н-н-н-нет...

Самое странное, Виктор не чувствовал в ней страха, не слышал его в спотыкающемся голосе. Наташа выглядела потерянной, словно пациент, очнувшийся после затяжной комы. Она пятилась, пятилась, пока не скрылась из вида. Виктор рванул к дверям.

– Руки от нее уберите!

– Куда вrrrrрот?! – рявкнул Козырь.

С неожиданной ловкостью он выбросил вперед ногу, всаживая испачканный навозом ботинок точно в живот Виктору, опрокидывая его навзничь.

Дыхание сбилось. Пол ударил в спину и затылок, в голове вспыхнул и завертелся радужный калейдоскоп. Виктор завертелся среди соломы, как опрокинутая черепаха.

– Ох, не серди нас, девка! – летело из коридора. – А ну, живо внутрь!

А потом... Потом случилось то, что случилось.

Раздался треск, словно разорвали гигантское полотнище. Заорал, срываясь на фальцет, мужчина. Громыкнул выстрел, и в стене напротив Виктора образовалась дыра размером с перепелиное яйцо. Голос, кажется, Козыря, твердил как заевшая пластинка:

– Ох, сука! Ох, сука! Ох, сука!

Ржали и беспокойно топотали встревоженные лошади. Раздался еще один выстрел, вопль, оборвавшийся на высокой ноте, и почти сразу же посреди дверного проема глухо упало изломанное тело в камуфляже. Маска с сеткой, видимо, потерялась в пылу борьбы, но лица все равно было не разобрать. Три рваные кровавые борозды тянулись от лба до самого паха. Глубокие, наполняющиеся кровью, они проходили через разодранные веки и впадины с отсутствующими глазами, через разделенные натрое губы, из-под которых виднелись обломки зубов, через горло, где до сих пор взметался и опадал тоненький красный фонтанчик. Вместо живота было какое-то подрагивающее месиво, но грудь все еще вздымалась, судорожно качая воздух в умирающее тело.

Виктор прирос к полу. Так и лежал, подобрал колени, на одном локте, как отдыхающий на пляже, и никак не мог оторвать взгляда от фонтанчика, все слабее бьющего из пробитой артерии умирающего. От угла долетало тяжелое дыхание Морозова. В коридоре все еще боролись. Очередной выстрел осыпался разбитым стеклом, затрещало ломаемое дерево... и все стихло.

В проеме выросла кряжистая фигура Козыря с чужим карабином в руках. Обводя притихших пленников бешеными, казалось, состоящими из одних белков глазами, он переводил ствол с одного мужчины на другого, и легко было представить, как в голове его кудлатой крутится считалочка: «Эники-беники, ели вареники...»

Но выстрела не последовало. Козырь вязко сплюнул, ухватил мертвеца за ноги и выволок в коридор. Лязгнули скобы, клацнула дужка замка, и долгое время не было слышно иных звуков, кроме лошадиного ржания и шороха, с которым человеческое тело волокут по полу.

Прошло минут десять, но Виктор все не мог заставить себя сменить позу. Перед глазами стояло дышащее безумием лицо Козыря. Только сейчас Виктор понял, почему так ярко выделялись белки глаз на смуглом лице сектанта. Все оно, ото лба до бороды, было залито кровью.

* * *

– Вот ведь угодили в переplet... Ну его к дьяволу, такое веселье, что скажете?

От звука морозовского голоса Виктор пришел в себя. Отполз к стене, вжался в нее, с какой-то даже радостью ощущая лопатками шершавые неровности. Стена, как часть реального мира, дарила иллюзорную основательность, давала возможность буквально опереться хоть на что-то.

– Однако надо сказать, бодрит отменно. Кажется, в таких случаях полагается выпить водки или потрахаться хорошенько, а потом закурить, прямо в постели... Кстати!

Не меняя позы – колени подтянуты почти к подбородку, – Морозов зашарил по карманам. С тихим довольным восклицанием извлек своего мятого «Петра» и с наслаждением за-

курил.

– Уф-ф-ф... Всё выскребли – телефон, мелочь, документы – но на святое покушаться не стали! Значит, есть в них какое-то сострадание, как думаете? С другой стороны, глупость несусветная. А что, если я этой зажигалкой сейчас пожар устрою? Недоглядели.

Морозов с видимым наслаждением выдул дым ноздрями, отчего стал похож на уродливого дракона.

– Вы вместе с нами, что ли, поджигать собрались? У меня тоже зажигалка есть, но у меня хватает ума... Господи, да о чем вы вообще?! – Виктор потрясенно замотал головой. – Это же... это не шутки, это безумие какое-то! Вы тут зубо-скалите, а Наташа там...

Он осекся, не очень-то понимая, что именно делает там Наташа, жива ли еще Наташа, и, почему-то, а была ли вообще с ними Наташа? Может, он перебрал на корпоративе и сопит сейчас на диване в монтажной, заблевав рубашку?

– Ната-а-а-аша. – Сквозь желтые растущие вкривь и вкось зубы Морозова повалил дым. – И имя-то такое, простецкое. Не Виолетта, не Карина, не Наталья даже. Ната-а-а-аша. Вы знаете, что в Турции так называют проституткок из бывшего Союза?

– Что вы несете, какая, на хрен, Карина? Наша Наташа с этим зверьем! Вы видели? Мертвец! Упал прямо возле двери! Они там стреляли!

Протяжный пыливый взгляд Морозова Виктор выдержал

с трудом. Отчего-то хотелось ерзать и чесаться. Зато истерика отступила. Дрожь, грозившая охватить все тело, отползла к лопаткам, втянулась. Морозов пожал плечами, затушил окурок о занозистую стену и тщательно спрятал его под соломой.

– Да-да, все к этому шло... Однако! Заметьте, я с самого начала неладное почувствовал. Ну какая она, к дьяволу, Наташа? Венера! Иштар! Лакшми! А тут – Наташа. Несерьезно, скоморошество какое-то. Я долго об этом думал, пока ехали. Я не спал, а думал, как в полудреме. И знаете, что я понял?

Виктор устало помотал головой. Похоже, старшего оператора накрыл нервный срыв, и ему просто следовало выговориться.

– Что не помню ее. Вот совершенно.

Морозов замахал руками, упреждая Виктора.

– Нет, я про нее много чего знаю. И что развелась, и что фамилия от мужа, и что детей нет, и даже это ваше новогоднее приключение. – Морозов гнусно хихикнул. – Об этом весь новостной отдел судачил, да и у нас, в операторской, слухи ходили. Но вот беда, отдела-то я тоже не помню! Как будто прочел о них где-то, а их самих, девочек этих, мальчиков этих, ведущих, корреспондентов, осветителей, и кто там еще, на деле не существовало никогда.

– Борис Алексеевич, это бред какой-то! – не сдержался Виктор.

– Бред, говорите? – прищурился Морозов. – Тогда ответь-

те мне, Виктор, вы какой камерой снимаете?

От абсурда происходящего Виктору захотелось надавать Морозову пощечин.

– Последние лет пять на «Кэноне» работаю, вы же не хуже меня знаете. А начинал с «соньки» бетакамовской.

– Ого! Вы, может, и включать их умеете?

– И включать, и свет выставлять, и в композиции кадра разбираюсь! Я все умею! – огрызнулся Виктор во внезапном порыве профессиональной гордости.

– А я нет.

– Что нет?

– Не умею ничего. – Морозов развел руками. – Комично, не правда ли? Старший оператор ГТРК «Красноярск» не умеет работать с видеокамерой. Мы когда эти сумки здоровенные тащили, я все пытался представить, что в них, и не мог. Догадывался, что камеры, но как они выглядят, где у них кнопка включения... камеры же все еще включаются кнопками? Вы не поверите, возможно, но я в ужасе был! Думал, у меня деменция начинается или еще что. А теперь... уф-ф-ф, теперь все встало на свои места. И это страшно бодрит, согласитесь?!

Виктору хотелось сказать, что нет, это совсем не бодрит, и да, он сам в панике, хоть и по совершенно иным, куда более серьезным причинам, но лицо Морозова, вытянутое, чуть синеватое, неожиданно нагнало на него неконтролируемый ужас. Ледяным строем прошлись по телу мурашки. Ко-

жа на затылке съежилась так, что стянутые резинкой волосы заныли у самых корней. Глаза Морозова, старые, выцветшие, смотрели не мигая долго, очень-очень долго, так долго, что Виктору стало неудобно. Казалось, он видит, как к зрачкам старшего оператора липнут порхающие в воздухе пылинки. В неподвижности морозовского тела проступила тяжелая каменная твердость.

«Сошел с ума. Он же рехнулся! – подумал Виктор. – И я заперт с ним в крохотной камерке».

Глумливая улыбочка растянула обветренные губы Морозова. Показались кривые, желтые от никотина зубы. Все лицо его излучало молчаливое торжество, некую тайну, обладание которой возвышает человека-Морозова над человеком-Ковалем. Виктор почему-то подумал о пищевой цепочке, и от этого ему сделалось настолько дурно, что захотелось срочно прервать затянувшееся молчание. Вот только сил не находилось. Точно загипнотизированный, смотрел он в глаза Морозову и не мог не то что рот открыть, а даже веками хлопнуть.

По счастью, вдалеке послышался приближающийся шум голосов. Виктор вздрогнул, отвлекся, прислушиваясь. А когда вновь посмотрел на Морозова, тот лежал, разбросав кривые ноги, уронив голову на плечо. Совсем некстати Виктор вдруг вспомнил, что раньше Морозов никогда не обращался к нему на вы. Он вообще ни к кому не обращался на «вы», даже Председателю ГТРК тыкал запанибрата. По лицу старшего оператора деловито бегала муха, а под лежащей на жи-

воте ладонью расплывалось громадное кровавое пятно.

* * *

Волна озлобленных криков докатилась до двери и разбилась, распалась на отдельные голоса. «Человек двадцать, не меньше, – отрешенно подумал Виктор. – Сейчас они ввалятся со своими ружьями, как пьяная матросня в Зимний дворец в тысяча девятьсот семнадцатом, и я сползу на пол, рядом с этим старым дураком Морозовым, тоже с пулей в животе». Подумалось, что надо бы встать, взглянуть смерти в лицо, твердо стоя на ногах, но сил на подобную браваду не нашлось. Видно, все они ушли на выпренные мысли. Виктор стукнул затылком по стене и остался сидеть, изучая высокий потолок с недостижимым прямоугольником грязного стекла.

В открывшуюся дверь просунулись два оружейных ствола, и только потом, когда сектанты убедились в безопасности, хмурая физиономия Козыря. Звякнув, под ноги Виктору упали массивные, покрытые рыжим налетом цепи. Зычно прочистив горло, Козырь харкнул на пол.

– Вот что, голуби мои... короче, надевайтесь, значит, в кандалы эти, и айда прогуляемся. Ты, лохматый! Давай-ка, помоги старшему другу...

– Нечему там уже помогать, – буркнул Виктор.

Присмотревшись, Козырь жестом велел убрать руку Мо-

розова. Спорить Виктор не стал, послушно подполз, отбросил ставшую вдруг тяжелой ладонь. Живот Морозова представлял собой неприятное зрелище – рубашка клочьями, темная, набухшая от крови, а под ней рваное мясо. Как?! Как он вообще разговаривал с такой раной? Да еще и сигарету выкурил. В том, что болтливый Морозов ему не привиделся, Виктора убеждала размашистая черная запятая, оставленная на стене окурком. Странно, но пахло от Морозова лишь дезодорантом, потом и, чуть меньше, табаком, а вовсе не смертью, кровью и дерьмом. И этот запах куда сильнее прочего убеждал Виктора, что он не сошел с ума.

В дверь просовывались седобородые лица, смотрели на мертвеца, на Виктора, и так же молчаливо исчезали. В коридоре вполголоса шло оживленное обсуждение. Убедившись, что Морозов мертв, Козырь покачал головой, цокая языком от досады.

– Ох, человек, вот прилетело так прилетело... дурной случай, нехорошо вышло. Ну да Господь с тобой, отмучился, бедолага. Это нам еще жить да страхи терпеть...

И прозвучало что-то такое в его голосе... Зависть, не зависть? Виктору почудилось, что этот грубый деревенщина действительно рад за Морозова, хотя и сожалеет о его смерти. И от этого на мгновение сам проникся завистью. Если смерть от пули в живот – благо, думать не хотелось, что приберегли сектанты для выжившего.

– Что ж, значит, лохматый, тебе за всех ответ держать!

Шустрей впрягайся. Раньше сядем – раньше выйдем.

Понукаемый Козырем, Виктор просунул кисти рук в браслеты грубых самодельных наручников. Сам защелкнул, а после окрика и затянул так, что защемил кожу на запястьях. Только после этого Козырь разрешил ему выйти в коридор, где ловко приладил к цепям еще одну, обвитую вокруг гири – настоящей чугунной гири, с подстертой надписью «32 кг».

– Порядок! – отряхнув ладони, объявил он. – С таким грузилом много не побегает небось.

Стоявшие полукругом сектанты – далеко не двадцать, человек семь-восемь, – одобрительно загудели, но оружие опускать не спешили. Практически каждый был вооружен карабином и широким ножом в чехле, висящем на бедре, но у двоих Виктор заметил пистолетные кобуры, а один веснушчатый, рыжебородый, стоящий чуть поодаль, сжимал в руках автомат Калашникова. Вот тебе и новоявленные праведники! Вот тебе и отринули старый уклад!

С новым обмундированием Виктор попробовал сделать пару шагов. Неудобно, приходилось все время держать гирю перед собой, прижимая к животу, словно гигантское яйцо. Однако терпимо, и уж всяко полегче, чем кофры с оборудованием. Подумалось даже, что при желании и определенной сноровке бежать с этой штукой он все же сможет.

В освободившуюся камеру протиснулись двое. Закинув карабины за спину, схватили Морозова за руки и ноги и, словно тушу барашка, потащили на улицу. Смотреть на это

Виктор не хотел и потому отвернулся, чем вызвал у мужиков презрительное фырканье и смешки.

– Теперь ты, малой. – Козырь громыхнул кулаком в двери соседней камеры. – К стеночке отошел, и смотри, дурковать будешь, башку снесем, как попутчику твоему. Царствие ему небесное, конечно...

Процедура повторилась. Вооруженные до зубов мужчины с опаской открыли дверь, забросили внутрь цепи, взяли дверной проем под прицел. От этих приготовлений Виктору казалось, что из камеры должен выйти Несокрушимый Халк как минимум. Но когда в коридор, даже не пригибаясь, выбрался мальчишка лет пятнадцати, Виктор не выдержал и разразился длиннющей злобной тирадой, в которой из печатных слов было только начало: «Да что ж вы за мрази такие».

Никто не стал его затыкать, но и отвечать не стал тоже. Эмоциональный всплеск вырвался и бессильно утек в смешанную с опилками солому под ногами. Козырь прикрутил к цепям мальчишки гирию, тридцатидвухкилограммовую, без всяких скидок на возраст, и мягко подтолкнул к выходу. Впрочем, Виктору показалось, что во взгляде Козыря мелькнуло что-то вроде одобрения.

– Айда помалу! – скомандовал Козырь. – И под ноги смотрите. А то, лохматый, мы после твоей подруги еще прибрать не успели.

Щетинясь стволами, толпа расступилась, давая пленни-

кам возможность пройти. И увидеть. Виктор дернул кадыком, мысленно радуясь, что последний раз ел еще в Красноярске, часов... господи, неужели прошло так мало времени с тех пор, как привычный мир вывернулся наизнанку? Не годы, не месяцы, даже не дни! Несколько часов! Как такое возможно?!

Мальчишка, не мудрствуя особо, тихо ойкнул и вывернул содержимое желудка прямо на свои дорогие туристские ботинки. Чтобы отвлечься, Виктор отметил, что упакован пацан по-взрослому, со знанием дела и без оглядки на кошелек. Сплошь известные бренды, качественные и дорогие. Виктор вдруг понял, кому принадлежат стоящие во дворе внедорожники.

Стараясь не смотреть вокруг, он потащился к выходу. Однако, когда под ногами чавкало, деться от понимания было некуда. Он шел и знал, что идет по лужам крови. Огромным, так до конца и не впитавшимся лужам крови, как в третьесортном ужастике, что крутят по «ТВ-3». Сглотнув слюну, Виктор спросил, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Что вы с ней сделали? С Наташей что сделали?

– Че?! С тварью этой?! – вскинулся идущий рядом рыжий автоматчик. – Ты, патлач, лучше бы спросил, что она сделала!

– Фома, ты за базаром следи, – укорил Козырь.

Вроде тихо, незлобиво, но так, что Виктор услышал, как именно таким тоном разговаривал молодой Козырь на бан-

дитских разборках.

– А чего я?

– А того, что ты, может, с врагом тут лясы точишь. Сейчас на суде всё и разберем, кому вожжи в руки, а кому хомут на шею. – Он живописно затянул вокруг шеи воображаемую петлю и потянул вверх. – А пока прикрой хавальник.

– Вы тут рехнулись все, – обессиленно выдавил Виктор. – Наглухо рехнулись.

– Рехнулись? – не выдержал уже сам Козырь.

Железные пальцы смяли Виктору подбородок, заставляя поднять голову. Одно из окошек, возле самого потолка, оказалось выбитым. Даже не просто выбитым – выломанным, вместе с рамой и частью досок.

– Видел? – Козырь отпустил подбородок Виктора и многозначительно добавил: – То-то же! Рехнулись, говорит... Вот смеху-то. Тут бы рехнуться в радость. Да Боженька не дает.

На улице, щурясь от заходящего, подернутого водянистой дымкой солнца, Виктор попытался прикрыть глаза рукой, но гиря быстро напомнила о себе. При виде внедорожников мальчишка, которого Виктор мысленно окрестил Малым, громко всхлипнул. Шел он тяжело, постоянно спотыкался и, если бы не крепкие руки конвоиров, пожалуй, уже давно уронил бы гирю на ногу.

Виктор наконец рассмотрел сектантов как следует. Без масок оказалось, что все они давно перешагнули рубеж не только молодости, но и зрелости. Судя по густой седине в

бородах и коротко стриженных волосах, по резным морщинам у глаз и глубоким носогубным складкам, всем им было существенно за шестьдесят. Однако дряхлыми мужчины определенно не были. Ладони широкие, огрубелые от тяжелой работы. Плечи могучие, покатые – могут и рюкзак с дичью десятки километров тащить, могут и бревно на стройке. Фигуры у всех кряжистые, основательные, да и вообще, все мужчины неуловимо походили друг на друга, точно из одного корня выросли. Но, что хуже всего, в их спокойных, отрешенно-чистых глазах Виктор читал умение убивать. Смерть была для этих людей привычным делом.

Их повели по улице, уже начавшей отдавать набранное за день тепло. Утоптанная земля мягко пружинила в подошвы кроссовок, шелестел далекий лес, и даже звенья цепи позвякивали умиротворяюще. Солнце завершало свой путь, отправляясь греть другой бок планеты, но до полного заката оставалось еще часа три. Если бы не вооруженные бандиты, взявшие пленников в молчаливые клещи, день казался бы просто сказочным.

К их невеселой процессии постепенно присоединялись люди. Ближко не подходили, сопровождали на расстоянии. В основном пожилые женщины, достойные своих односельчан-мужчин – суровые, точно из дуба вырезанные старухи. Они тоже шли не с пустыми руками. Ружья, пистолеты, топоры и даже вилы не сулили пленникам ничего хорошего. Виктор украдкой пересчитал присоединившихся. С конвои-

рующей их пятеркой получилось тринадцать человек.

Шли не разговаривая, под всхлипывания Малого, до самых задворков. Там повернули и вдоль леса двинули на расчищенную от деревьев полянку, достаточно широкую, чтобы вместить человек сто. Впрочем, сотней там и не пахло. В центре поляны процессию поджидали – Виктор быстро повертел головой, выискивая, не прячется ли кто по кустам, но никого не заметил – одиннадцать человек. А потом он увидел трупы.

У ног ожидающих лежали прикрытые мешковиной тела. Четыре слева, два справа и еще четыре по центру. Не было ощущения, что их разложили, пытаясь достичь некой извращенной симметрии, создать подобие кощунственной мандалы. Просто раскладывали, исходя из какой-то логики, и получилось именно так. Кое-где на мешках проступила кровь, на которой уже пировали вездесущие насекомые. На ум пришло сравнение с военными хрониками. Десять трупов, Виктор в жизни не видел столько мертвецов в одном месте!

На их фоне как-то терялись расставленные полукругом металлические канистры и задумчивая виселица, протягивающая пришедшим веревку со скользящей петлей.

* * *

– ...сделать так будет правильнее, если уж мы заговорили об уравнивании шансов.

– Ставки растут, Распорядитель, да? Не думал, что вы настолько азартны.

– Прошу меня простить, mon Seigneur, но я вынужден констатировать вашу ошибку. Я не делаю ставок, не держу пари и... как это говорится? – не бьюсь об заклад. В этом мероприятии я всего лишь скромный организатор.

– Как и всегда, oui?

– Именно так. Склоняюсь перед вашей мудростью.

– И все же. Не имея явной выгоды, вы таки взваливаете на себя серьезную работу. Простите мою меркантильность, но каков ваш истинный гешефт в этом деле? Если уж на то пошло, в любом деле, к которому вы приложили руку.

– Мои побудительные мотивы ровно те же, что и у вас.

– Ну-ну...

– Это вызов, который будоражит кровь. Слышали такую поговорку: «без риска и жизнь пресна»?

– Нет. Но я слышал другую, здесь, в этой стране, она в большем ходу. «Рискнул да закаялся».

– Закаялся – это...

– Раскаялся – пожалел о содеянном. Ощутил repentir – так, кажется?

– О, следовательно, я понял верно. Но разве не в этом и смысл? Нет риска без возможного наказания, возмездия, если хотите. Риск заставляет нас чувствовать себя живыми.

– Х-ха, я ввязался в спор с демагогом! Простите меня великодушно, Распорядитель, но играть на вашем поле я не

стану. Однако же будь по-вашему. Опустим ваши мотивы.

– Великолепно. Я знал, что вы... как это говорят? Не останетесь равнодушным, когда узнаете все вводные. Итак, мы сошлись на следующем: заброс на объект осуществляем с трех сторон, так сказать, тремя командами, по три...

– Четыре команды, Распорядитель.

– Простите?

– «Оплот дней последних». Продолжая вашу аналогию, отличная и очень сыгранная команда. Пусть даже в общем зачете не участвует.

– Вы вновь перебили меня, но в этот раз хотя бы по делу.

– С вашего позволения я перебую вас еще раз.

– ...?

– Сделаем интереснее. Взвинтим ставки. В каждой команде будет предатель.

– *Le traître*?

– Я бы сказал, скорее, «зраднык». Вы ведь не бывали на Украине, Распорядитель? Говорят, мои корни оттуда, где-то ближе к Карпатам. Так вот, есть такая поговорка, вам, как любителю фразеологизмов, должна понравиться. Один украинец – партизан. Два – партизанский отряд. А три – партизанский отряд с предателем. Видите, я лукаво улыбаюсь.

– И вы готовы к тому, что в вашем отряде... в вашей команде, будет предатель?

– Именно так. Я уверен, что не закаюсь.

– О, *mon Seigneur*, я знал, что вы не разочаруете меня! Вы

действительно... как это говорят? Рисковый сукин сын!

– Про меня и правда так говорят?

– Не знаю, не знаю... но после этого будут – уж вы мне поверьте.

* * *

Вместо трибуны имелась ржавая бочка из-под соляры, наполовину врытая в землю. Козырь, похоже, занимающий здесь какой-то условный пост вроде старосты, кряхтя и опираясь на карабин как на палку, взгромоздился на бочку и принялся ждать, когда односельчане расставят посты и оформятся в неровный полукруг, в середине которого переминался с ноги на ногу Виктор и, стоя на коленях, плакал Малой. Чувствуя себя не в своей тарелке, Козырь долго откашливался, снимал и надевал кепку. Руки его нервно оглаживали лысину, теребили бороду, прятались в карманы. Наконец, прочистив горло в очередной раз, Козырь начал:

– Братия и сестры!

– Возлюбленные чада мои! – проблеял кто-то из толпы, и все, даже Виктор, невольно заулыбались.

– Ты, Лабух, если есть че по делу сказать, то сюда выходи. – Козырь обиженно раздул ноздри. – Я не жадный, место уступлю.

– Виноват, товарищ Козырь. Не повторится.

Седоусый, похожий на Кобзаря Лабух вскинул руку в пи-

онерском салюте. От этого скоморошничества толпа, казавшаяся Виктору злобной, колючей, вдруг потеплела, превратилась в два десятка битых жизнью мужчин и женщин. Козырь выжидающе смотрел, решая, обидеться или плюнуть да продолжить. В итоге он в самом прямом смысле плюнул и заговорил снова:

– В общем, возлюб... ай, твою мать, Лабух, падла ты этакая!

Толпа грянула хохотом, но Козырь уже не позволил себя сбить, и вскоре смешки стихли.

– Короче, братва, день был тяжкий, долгий день был, и он еще не закончился. Времени собраться всем и рассказать чеккак только сейчас нашлось. Так что я коротенько, и это... вы знаете, я не мастак в мудрые слова...

– Не тяни вола за яйца! – прокуренным голосом выкрикнула закутанная в серую пуховую шаль старуха. – А то пока ты нужные слова подбирать будешь, последние дни начнутся.

– Так они, Катерина, начались уже, – развел руками Козырь. – То, что Авдей Светозарный предсказывал, слово в слово.

– Матерь честная! А не брешешь? Тридцать лет прошло, неужели...

– А ты, Катерина, Фому спроси. Рябого спроси. Пана Николая спроси. Любого мужика, с кем мы сегодня гостей встречали. А живым не веришь, так мертвых спроси. Вон,

лежат рядочком – Зойка Рында, Калмык, Лексеич да Марат.

Бабы зашептались, переглядываясь. И пусть была в их приглушенных голосах тревога, а все же радости, предвкушения Виктор уловил куда больше. Бабы жалели Марата, тихо радовались чему-то своему, а бабка Катерина навзрыд плакала счастливыми слезами на плече у рыжего Фомы. Обрывки фраз сливались в гудение улья.

– Марат-то, совсем молоденький, едва за полтишок перевалил...

– Тридцать лет терпели! Тридцать лет считай, без малого! А не зря всё, не зря!

– Аккурат на Радонежских святых собор! Вот ведь нехристи!

– Зойку, Зойку-то как порешили? В дозоре ж не стояла...

– Вспомнили про нас, сучары! Сам Авдей предупреждал: не забудут, не простят!

В глазах Виктора толпа вновь преобразилась, предстала в виде блаженных, обожравшихся меда пчел. Что за ахинею они несут?! Последние дни, пророк Авдей, какие-то бредни ветхозаветные!

– А ну, хорош трындеть! – Козырь поднял руки, придавив людской гомон. – Четырех товарищей сегодня потеряли, а новых брать неоткуда. Чудом явление не просрали, чудом, я говорю! Потому с этого момента ввожу комендантский час. Уж простите, самому тошно, да одна тварь на свободе рыщет. Злющая, падла, враспloch нас застала. Лексеича с Ма-

ратом в ключья, а Зойку уже после, когда огородами убежала, хвост свой дьявольский поджав. Так что, пока не изловим отродье адово, передвигаться строго по трое. За пределы поселка – штоб не меньше пяти. На ночь сегодня в Крепость собираемся, так что, если нужно кому чего, собираем заранее. Но, опять же, исключительно по трое!

– А скотина как же?

– Тьфу, пропасть! Какая скотина, Светлана, душа ты моя? Последние дни на дворе! А кто еще не понял, так вот вам!

По знаку Козыря с тел по левую сторону от виселицы стянули покрывала. Виктор думал, что уже попривык к смерти, крови, виду трупов, и все же дернул горлом, сдерживая подступающую рвоту. Под покрывалами скрывались три обугленных остова, и что-то еще, напоминающее разобранную куклу. На изрешеченном пулями, грудастом, явно женском торсе лежали отрубленные конечности. Ноги до сих пор были в камуфляжных штанах и ботинках с высоким берцем. Голова отсутствовала.

– Вот они, враги рода человеческого! Сатана-диаволы! По души наши пришли, да не знали, что уж три десятка лет, как мы им отпор готовим! А ну, ша!

Нарастающий рокот вновь опустился до невнятного перешептывания.

– Но всякое большое дело перемалывает судьбы малые. Так Авдей Светозарный учил. Так мы на своих шкурах прочуяли. Трое наших братков полегло и одна сестра. Святые

души, да примет их Господь в райском саду...

– Да усадит их одесную! – отозвался нестройный хор.

– Так и будет! Так и будет... – Козырь смахнул набежавшую слезу. – Они знали, на что шли. Каждый из нас знает и к смерти готов. Но есть и простые люди, которых дьяволы одурманили.

Взмах рукой – и помощники сбросили мешковину с пары мертвецов, лежащих в середине. Морозова Виктор узнал сразу. На этом странном подобии вечевой площади, со сложенными на груди руками, Борис Алексеевич выглядел крохотным и оттого особо уязвимым. Второе тело принадлежало незнакомому мужчине. Низкорослый, широкоплечий, лысый, но компенсирующий отсутствие волос окладистой бородой, он напоминал фэнтезийного гнома. Увидев его, Малой зарыдал в голос. Узнал, значит. Даже с кровавым месивом вместо лица – узнал.

– Под шальную пулю угодили. Лес рубят – щепки летят. Знать, праведниками будут, коли Господь так решит. Но только если по незнанию к нам тварей этих везли. А если по доброй воле или за мзду какую, то тут уж геенна огненная им уготована, да туда им и дорога! А пока всех павших, и правых, и неправых, одно погребение ждет. Очистимся!

– Очистимся! – вторила толпа.

И вот уже трупы, до той поры разделенные, стаскивают в общую кучу. Обкладывают загодя приготовленным хворостом и поленьями. Щедро поливают бензином. Как сквозь

воду слышит Виктор вопли Малого, его горький, отчаянный плач, перемешанный с обрывчатыми просьбами оставить папу, не трогать папу, «пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!». Но трупы падают друг на друга, безвольно разбросав конечности. Сектанты заводят какой-то гимн, что-то про Небо, Иисуса и Господа. Радостно поют, раскачиваясь из стороны в сторону, вводя себя в транс. Но при этом смотрят, пристально наблюдают за периметром недремлющие стражи с огнедышащими жезлами. И плещет бензин. И хрустит хворост. И солнце, проползая над поляной, смотрит снисходительно – давайте, людишки, удивите меня жаром!

– Ша! – кричит Козырь, и тишина опускается на поляну.

Последние отзвуки песнопений заблудившимся эхом умирают в лесу.

– Возлюбленные братия и сестры мои! – Козырь развел руки, заключая общину в объятия, и никто, никто в этот раз не засмеялся, не начал зубоскалить. Распаленный, Козырь, забыв о своем косноязычии, мнимом должно быть, вещал с импровизированного амвона как заправский проповедник. – Сперва надо нам с вами разобраться, что с остальными делать.

От его кивка Виктору захотелось втянуть голову в плечи. Община вдруг вспомнила про него и мальчишку, поймала в перекрестие зловещих взглядов.

– А чего?! Вздернуть, и дело с концом! – Усатый Лабух рубанул рукой воздух.

– Постой-постой, погоди, Лабух, не горячись, – сбивая пожар взметнувшегося многоголосия, тихо сказал Козырь. – Вздернуть – дело нехитрое. А ну как человека порешишь? Готов на свою душу грех такой принять? И без того пару невинных положили.

– Мало я, что ли, людей порешил? На войне как на войне, – пожав плечами, буркнул Лабух. Но буркнул тихонько и даже сделал шаг назад, замешиваясь в толпу.

– То-то и оно. Вот то-то и оно. Девять их было. Девять. С трех сторон зашли, по трое, значит. С первой тройкой, что с севера, через лес перла, удачно вышло. Сработала наша растяжка...

– Э, але?! Какая «наша»? – удивленно выпучил глаза рыжий Фома. – Моя растяжка! Ты за нее мне всю плешь проел – невинных подорвешь, невинных подорвешь! Да разве ж это невинные?!

– Твоя растяжка, твоя, Фома! – миролюбиво поднял раскрытые ладони Козырь. – Тебе с нее что, грамоту выписать? О премии похлопотать? Нет? Ну и хорош старших перебивать! Значит, растяжка на... растяжка Фомы всю троицу в машине и накрыла, там без шансов. Потушили да с глаз долой убрали – вот и вся работа. Со второй тройкой сложнее вышло, они от реки ехали. В жизни не подумал бы, что можно такую махину по реке на катере доставить...

– Убийцы!

Ломкий, истончившийся от ужаса голос расколол мерную

речь Козыря. Мальчишка Малой, чьего имени Виктор так и не узнал, стоял, прижимая к животу тяжеленную гирию. Лицо его пылало от слез и ненависти.

– Убийцы, – повторил он тише, словно стесняясь своего порыва. – Твари.

– О, как заговорил! – с деланным восхищением усмехнулся Козырь. – Твари, говоришь? А может, ты сам тварь? С выводком тварей к нам приехал. Какое зло нам принес, а? Говори, что молчишь?! Что в наших краях забыли?

– Навигатор заглянул. Показал короткую дорогу до ближайшей трассы. Мы даже не знали, что тут деревня! Мы просто мимо ехали! Суки, чтоб вы сдохли все!

Выронив гирию, Малой присел на корточки. Пряча разгоряченное лицо в ладонях, он рыдал так, что сотрясались худые плечи. Козырь кивал, обдумывая его слова, а Виктор, глядя на него, вдруг подумал, что тридцать лет отшельничества не могли не дать о себе знать. И Козырь не замедлил это подтвердить.

– Ну и кто из них навигатор? Или что же, четверо вас было? – Он обеспокоенно потерял бороду.

Мальчишка не ответил, громко рыдая в рукава куртки.

– Это прибор такой в машине, – попытался объяснить Виктор, но по знаку Козыря три мужика повалили его, уткнув лицом в землю.

– Ты не трепыхайся, и до тебя очередь дойдет, – шепнул ему один из сектантов.

– Путаетесь в показаниях, гражданин хороший, – решил наконец Козырь. – То, гришь, знать не знали, то, гришь, навигатор дорогу показал. Не думаю, что четвертый с вами был, неспроста ж у остальных по трое. Значит, кто-то из этих двоих жмуров навигатор и есть. А поскольку знал, куда ехать, значит, не просто так все. Значит, на Врага рода человеческого работал. Признаешь ли?

Малой поднял зареванное лицо.

– Ну? Признаешь?

– Да пошел ты на хер, гондон старый! – с ненавистью выплюнул Малой. – Все идите, суки!

– Не признает... – с прискорбием вздохнул Козырь. – Айда, братва, взяли!

После этих слов Виктору показалось, что весь мир полетел вперед на ускоренной перемотке.словно футбольный мяч, катилось по небу равнодушное солнце. Кальянным дымом клубились облака. Малой рвался из рук, верткий как налим. Он орал, плевался и матерился так, что уши вяли, но все же неумолимо приближался к сколоченной из брусьев виселице.

Виктор тоже напрягал мышцы, рвал жилы, пытаясь сбросить этих сумасшедших, потерявших рассудок и Бога людей. Ему почти удалось, но кто-то тяжелый, воняющий потом и куревом, упал на него сверху, оседлал, словно норовистого коня, вмял в колючие, высохшие на солнце травы. На каждом плече Виктора повисло по человеку, кто-то, для верно-

сти, обхватил за ноги. Свободной оставалась лишь шея, и Виктор вытягивал ее и, как Малой, орал и плевался, сквозь выбившиеся из хвоста волосы беспомощно наблюдая, как с Божьим именем на устах убивают подростка.

Одинокий голос затянул молитву, но, не поддержанный никем, быстро сдался. Немолодые, но крепкие сектанты без труда доволокли щуплого Малого до виселицы, и та, согнувшись в извечном поклоне, протянула ему умело свитую петлю. Веревку набросили Малому на шею, затагнули потуже. Пара мужиков принялась тащить веревку через блок, взметая брыкающееся тело ввысь, в небеса, словно на лифте к самому Создателю.

Зарывав, Виктор, даже с огромным весом на закорках, сумел приподняться, но сразу схлопотал в затылок чем-то твердым. Как в тумане видел он ноги в дорогих ботинках, бестолково пинающие воздух. Видел руки, цепляющиеся за грубую веревку, стискивающую шею, и словно сам задышался в той петле. Видел суровые, не знающие пощады лица стариков и старух. И отчего-то видел стеклянные глаза Морозова, глядящие на него из груды трупов, приготовленных к сожжению.

– Руки! Руки, етить вашу мать! – заорал Козырь. – Леший, вы на хрена с него цепи сняли, недоумки?! Он же до ночи теперь так барахтаться будет!

– Господи, прости! – пробасил тот, кого называли Лешим. Он тяжело подпрыгнул, обхватывая Малого за колени, и

повис на них, поджав ноги в кирзовых сапогах. Раздался резкий хруст, такой чудовищно громкий, что от него должно было прокатиться эхо. Но не прокатилось. Напротив, притихло все вокруг. Руки Малого бессильно опали по швам. Склонилась набок голова. Выпученные глаза и вывалившийся язык делали ее похожей на маски японских демонов, которые Виктор как-то снимал на передвижной выставке в Красноярском краеведческом музее.

– Ох, Господь милостивый... – Прижимая кулак к губам, Козырь шумно выдохнул. – Всё, что ли? Отмучился, бедолага?

Выглядел старик так, словно вот-вот грохнется в обморок, но держаться старался с достоинством. Виктор помыслить не мог, что умеет ненавидеть столь люто, бескомпромиссно. Именно так он ненавидел этого человека, погрязшего в безумных дремучих убеждениях, да и всю их общину. Поубивал бы всех и каждого, будь его воля, и рука бы не дрогнула!

– Ладно, кончать пора. – Козырь озабоченно посмотрел на небо, поскреб щеку пятерней. – Стемнеет скоро, а на ночь бы в Крепости засесть, переждать. Эй, лохматый, твой черед! Отвечай честно, да учти, у нас разговор короткий, сам видел.

– Вешайте, мрази! – прохрипел Виктор. Как ураган сметает хлипкие постройки, так его разумное желание уцелеть и выбраться из этой передраги живым начисто снесло гневом. – В живых оставите – я вас голыми руками передавлю!

– Ишь ты, яростный какой! Прямо комсомолец в руках белогвардейцев! – усмехнулся Козырь, но тут же посерьезнел. – Ты, паря, думаешь, нам тут за счастье людей губить? Не в бирюльки играем, война у нас. Авдей Светозарный создал «Оплот дней последних», чтобы самому Сатане на земле противостоять. И когда грянет великая битва между раем и адом, как знать, может, наша посильная помощь чашу весов сколыхнет на нужную сторону. А значит, всё не зря, понял ли? Так что сердца скрепим! Отвечай, по доброй ли воле привез к нам тварь бездушную? Знал ли о кознях дьявольских или по недомыслию в дурное дело ввязался?

– Какие козни?! Какой дьявол?! Вас же лечить всех надо, скоты! – заорал Виктор, трепыхаясь под грузным невидимкой. – Мы съёмочная группа с телевидения! Не сатанисты, не демоны! Сука, да я крещеный с пяти лет!

– Без веры крест – всего лишь две прямые палки, – кутаясь в шаль, хрипло пробормотала бабка Катерина. – Даже если на них сам Спаситель висит.

– Дело говоришь, Катерина! Дело! Ну, лохматый, чем ответишь? Дьявол хитер! Ему, если припрет, крест надеть – что высморкаться. Сказывай, за каким хреном к нам в глушь забрался, да еще в такой компании?!

Их слепая уверенность словно выдернула у Виктора кости. Он обмяк, пряча лицо в пахучей траве, больше похожей на сено.

– Я оператор, – глухо пробормотал он. – Съёмочная груп-

па... Телевидение...

– Че болбочешь там, не слышу?

– Упорствует он, Козырь.

– А... раз дело такое, то и мы уговаривать не станем.

Освобождайте веревку, братва. Отправим дьявольского прихвостня...

– Козырь! – перебил его голос от виселицы. – Тут это... застрял малец, петлю растянуть не можем.

– Леший, етить твою мать! Как затянул, так и снимай, значит! Как дите малое, чесслово... И это, подпалите уже хворост, кто-нибудь, чтобы не впотьмах в Крепость возвращаться. Прогорит за часок, а косточки, если чего, завтра приберем.

Виктора вздернули на колени. Пытались поставить на ноги, да не позволял рост, а облегчать своим палачам работу Виктор не хотел. Он водил по сторонам мутным взглядом и чувствовал себя опоенным колдовским зельем. Не могло такое происходить в реальности, в XXI веке. Над ними, должно быть, прямо сейчас, сотня спутников пролетает, а тут виселица, костер и мракобесие.

Так он блуждал взглядом, пытаясь зацепиться хоть за что-то разумное, человеческое, но натыкался то на свалку тел, заботливо укутанных хворостом, то на хмурые, выдубленные суровой жизнью лица, то на болтающегося в петле паренька, имени которого так и не успел узнать. Балансируя на поставленных друг на дружку чурках, Леший старался ослабить ве-

ревку, просовывая в узел складной нож. Его деловитость вызвала у Виктора тошноту. Взгляд вновь поплыл и зацепился на сей раз за старуху, что от спички поджигала кусок бересты, чтобы бросить ее в костер. Под грудой тел, среди веток и поленьев, все еще можно было разглядеть бледное лицо Морозова с открытыми глазами. Словно прощаясь с пусть нелюбимым, склочным и мелочным коллегой, но все же человеком, Виктор смотрел на него и смотрел. Смотрел и смотрел. Смотрел... пока глаза Морозова не скрылись под веками и не вынырнули обратно.

Покойник моргнул.

Виктор едва успел подумать, что веки Морозова сомкнулись как-то неправильно, словно под ними существовала скрытая, дополнительная пара, когда неторопливое время вдруг понеслось, как объятая пламенем лошадь.

Чадающий черным дымом кусок бересты, крутясь, полетел на щедро залитый бензином погребальный костер. В тот же миг рука незадачливого Лешего соскользнула с петли, пропоров Малому шею. Глаза висельника распахнулись, вспыхнув нечеловеческим оранжевым светом. Малой извернулся в петле, оплетая затылок Лешего пальцами. Черные когти, короткие, но острые, пробивая кожу, взламывая ногти, словно весенний лед, рвались наружу. Рот Малого треснул, разошелся от уха до уха, явив красное влажное мясо и две дуги зубов, похожих на акульки. Пытаясь отпрянуть, Леший заверещал, замолотил Малого руками. Чурки вылетели из-под

его ног, покатались по земле, но сам он остался висеть, захлебываясь криком и кровью. Обхватив жертву ногами, то, что раньше выглядело как подросток, вгрызлось в лицо Лешего с хрустом, от которого кожа покрывалась мурашками.

Взметнулось жадное, разогнанное бензином пламя. Затрещали дрова и человеческая плоть. И в тот же миг, расшвыривая покойников и горящие ветки, из костра вылетело огненное существо. Оно подмяло старуху со спичками, побезьяньи ударило сразу двумя руками, ломая кости черепа, как тонкий пластик, и тут же скакнуло дальше. А Виктор запоздало вспомнил, что в камере Морозов сидел, и пуля, пробившая стену, никак не могла попасть ему в живот. И это почему-то казалось важнее даже того, что мертвый, объятый пламенем Морозов прямо сейчас носился по поляне, сея смерть и панику.

Тварь взвилась в затаянном прыжке, настигая разбегающихся старух. Самая медленная свалилась под ее весом и умерла, должно быть, прежде, чем коснулась земли. Сорвав с убитой платок, тварь набросила его на голову, сбивая пламя, покатила по земле, спасая тело. Эти доли секунды дали общине возможность собраться, прийти в себя. Готовые дать отпор, люди растянулись полукольцом. Раздались выстрелы, пока еще редкие, стрелки опасались задеть своих. Виктор никак не мог взять в толк, почему они не бегут в ужасе? Откуда черпают мужество, чтобы сражаться? Сам он не бежал лишь потому, что страх придавил его к месту куда сильнее

двухпудовой гири.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.